

Мэри Стюарт

И ДЕВЯТЬ ЖДУТ ТЕБЯ КАРЕТ

Мэри Стюарт

И девять ждут тебя карет

Серия «Азбука-бестселлер»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11631583

*Мэри Стюарт И девять ждут тебя карет: Эксмо, Домино;
ISBN 978-5-389-13471-3*

Аннотация

Молодая англичанка Линда Мартин приезжает во Францию, чтобы стать гувернанткой девятилетнего Филиппа, графа де Вальми. Ее подопечный – владелец родового замка и имения, которыми управляет его дядя Леон. Линда чувствует в отношениях обитателей замка непонятную напряженность и пытается защитить мальчика от давящей властности дяди и холодного равнодушия тетки. Внезапно вспыхнувшая любовь к сыну Леона, Раулю, еще более осложняет ее жизнь. Во время прогулки в Филиппа стреляют. Это неудачное покушение на его жизнь заставляет Линду задуматься о том, что за невидимая драма разворачивается под сводами замка и какая роль в этой драме отведена ей.

Мэри Стюарт – одна из самых знаменитых писательниц в мире. Ее книги расходятся миллионными тиражами. В романах Стюарт изумительным образом сочетаются интеллектуальный детектив и романтическая история.

Содержание

Кареты первая и вторая	5
Глава 1	6
Карета третья	24
Глава 2	25
Глава 3	47
Глава 4	71
Глава 5	85
Глава 6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Мэри Стюарт

И девять ждут тебя карет

Mary Stewart

NINE COACHES WAITING

Серия «Азбука-бестселлер»

Copyright © 1958 by Mary Stewart

All rights reserved

© Р. Шидфар, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Кареты первая и вторая

Глава 1

*Подумай о роскошествах дворцовых!
Приволье и богатство! Пышные закуски,
Трепещущее на тарелках мясо,
Томимое желанием быть съеденным...
Пирь при свете факелов! Веселье! Игры!
И девять ждуть тебя карет – вперед, скорее —
И прямо к дьяволу...*

Турнёр. Трагедия мстителя

Как хорошо, что в аэропорту меня никто не должен встречать!

Самолет прибыл в Париж, когда уже начинало темнеть. Стоял мягкий, серенький мартовский вечер, воздух был повесенному свеж. Под ногами блестел мокрый асфальт; небо над летным полем, отмытое недавним дождем до чисто-голубого цвета, казалось бездонным. Влажный ветер подгонял гряды легких облаков, вспыхивавших бледным, призрачным светом, когда их касался луч заходящего солнца. За зданием аэропорта ярко блестели провода, окаймлявшие шоссе, по которому мчались машины с зажженными фарами.

Часть багажа уже выгрузили. Я заметила свой потрепанный чемодан, втиснутый между новеньким щегольским баулом и чем-то огромным, экстравагантным, обтянутым кожей песочного цвета. Когда-то мой чемодан был дорогой и солид-

ной вещью из настоящей хорошей кожи, на которой вытиснена монограмма отца, — теперь ее почти полностью закрывала полуразмытая лондонским дождем наклейка: «Мисс Л. Мартин, Париж». «Как символично», — подумала я с горькой иронией. Мисс Л. Мартин во плоти так же втиснута сейчас между дородным мужчиной в безупречно сшитом костюме и красивой молодой американкой, небрежно накинувшей шубу из платиновой норки поверх туалета, который со спокойным достоинством извещал окружающих, что его хозяйка недавно уже побывала в Париже. А у меня, должно быть, такой же потрепанный вид, как и у сохранившего следы былой респектабельности отцовского чемодана, выделявшегося среди мелкой ручной клади.

Прошло целых десять лет, и вот я наконец вернулась домой. Десять лет. Третью моей жизни, даже больше. Так много, что сейчас, медленно продвигаясь в толпе у таможенного барьера, я чувствовала себя путешественницей, впервые оказавшейся в чужой, незнакомой стране. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы приноровиться к быстрому потоку французской речи. Вокруг то и дело раздавались радостные восклицания людей, которых немедленно заключали в тесное кольцо родственники и знакомые, и я поймала себя на том, что невольно пробегаю глазами по толпе в поисках хотя бы одного знакомого лица. «Господи, какая глупость! Кто мог меня встречать? Мадам де Вальми собственной персоной?» Эта мысль вызвала у меня улыбку. Мадам была так

любезна, что снабдила меня деньгами на такси до города. Вряд ли она могла бы сделать что-то большее для наемной прислуги. Именно прислужой я и была. Отныне придется не забывать об этом ни на минуту.

Таможенник, держа в руке мелок, подвинул ко мне чемодан. В тот момент, когда я шагнула вперед, чтобы взять багаж, пробежавший мимо служащий аэропорта столкнулся со мной и нечаянно выбил из рук сумочку, которая, отлетев к барьеру, шлепнулась на пол.

– Mille pardons, mademoiselle. Excusez-moi.

– Ce n'est rien, monsieur.

– Je vous ai fait du mal?

– Pas du tout. Ce n'est rien.

– Permettez-moi, mademoiselle, votre sac.

– Merci, monsieur. Non, je vous assure, il n'y a pas de mal...¹

Только после многократных горячих уверений, что у меня ничего не пропало и моему здоровью не нанесен непоправимый урон, он наконец испарился.

Нахмурившись, я проводила его глазами. Ничего особенного не произошло, но я внезапно осознала, что десять лет – не так уж много. Моя реакция была мгновенной, словно кто-то переключил рычаг в голове.

Такое не должно повториться. Надо постоянно помнить

¹ – Тысяча извинений, мадемуазель, простите.— Не за что, мсье.— Я вас ушиб?— Нисколько. Ничего не случилось.— Разрешите, мадемуазель, вот ваша сумочка.— Спасибо, мсье. Уверяю вас, все в порядке... (*фр.*)

одно обстоятельство. «Я англичанка. Англичанка». Мадам де Вальми очень ясно дала понять: ей нужна именно английская девушка, и коль скоро она решила, что французский язык и все связанное с Францией знакомо мне не больше, чем любой средней «английской девушке», учившей французский в школе, ничего дурного тут нет. Она почему-то постоянно подчеркивала свое требование... но, может быть, я так жаждала получить это место, что придала слишком большое значение ее словам. А вообще-то вряд ли мадам может действительно интересоваться, кто я такая – англичанка, француженка или даже готтентотка, если я буду добросовестно выполнять свои обязанности и, забывшись, не перейду на французский, беседуя со своим питомцем, маленьким Филиппом; с ним я должна говорить по-английски. Кроме того, нельзя сказать, что я ее обманула, потому что я действительно англичанка. Мой отец – англичанин, в маме по крайней мере четверть английской крови... и детские годы кажутся сейчас такими далекими. Годы, которые мы с мамой прожили у бабушки в Пасси. Париж был занят бошами, а отец неизвестно где скрывался, но мы знали, что ему угрожает опасность, и не позволяли себе говорить или даже думать по-английски... Эти дни отодвинулись так далеко в прошлое, что казалось, их пережил кто-то другой.

Гораздо более реальными были последние десять лет, проведенные в Англии, – семь в лондонском приюте Констанс Батчер и три относительно независимых, дававших

ложное ощущение полной свободы года, когда я называлась «главной прислугой», то есть в каждой бочке затычкой, в начальной школе для мальчиков в Кенте. Бесконечные, усталые, вымытые зеленым линолеумом коридоры, колбаса на обед по понедельникам и четвергам, кучи грязных простынь, которые надо сложить и сосчитать, запах мела и карболового мыла в классах... Все это запомнилось гораздо лучше, чем уютный старый домик в Пасси или даже парижская квартира на улице Прантан, на последнем этаже, куда мы переехали, когда война закончилась и отец вернулся домой...

– Ни о чем не хотите заявить? – устало спросил таможенник.

Я вздрогнула и, обернувшись к нему, решительно произнесла по-английски: «Нет, ничего такого. Вообще ничего...»

Перед зданием аэропорта выстроились такси. «Отель „Крийон“, пожалуйста», – сказала я шоферу и усмехнулась про себя, заметив слегка удивленный вид, с которым он выслушал этот внушающий немалое почтение адрес.

Потом он поставил рядом со мной старый коричневый чемодан; дверца захлопнулась, машина набрала скорость, мы отправились в город.

Если во мне еще оставалось ощущение чего-то незнакомого, сейчас оно исчезло окончательно. Такси, сделав крутой поворот, выехало на шоссе. Резко взвизгнули на мокром асфальте тормоза, и машина помчалась в Париж.

Я откинулась на спинку заднего сиденья, вдыхая знако-

мый резкий запах «Голуаз», старой кожи, застоявшуюся бензиновую вонь; прежний мирок смыкался вокруг меня, окружая облаком полузабытых ощущений, которые, казалось, полностью вытеснили картины последних десяти лет жизни, словно их и не было. Машина оказалась ящиком Пандоры, а я не только приоткрыла его крышку, но и очутилась внутри его. Эти ласкающие, жалящие воспоминания... вещи, которых я раньше никогда не замечала, по которым никогда не тосковала, пока снова их не увидела; эти нисколько не изменившиеся частички жизни, которая остановилась десять лет назад...

Шофер читал газету, она была свернута и засунута в ящик рядом с приборной доской. Знакомый жирный расплывающийся шрифт; уголок фотографии, почти неразличимой с моего места. С нами поравнялся автобус, над передним стеклом которого светилась надпись «САНЛИ». Перед глазами промелькнули стеснившиеся на задней площадке, вплотную прижатые друг к другу рабочие парни и девушки, которые покачивались в такт движению машины, ухватившись за поручни и кожаные петли.

Потом вокруг меня сомкнулись безобразные парижские окраины: высокие дома – балконы с железными перилами, окна, прикрытые жалюзи, щиты с ободранными афишами (Бонбель, Сюниль и прочее, и прочее); грязные табачные лавчонки, витрины которых отражались на мокром тротуаре оранжевым и золотым; ярко сверкающие ряды бутылок,

тесно сдвинутые металлические столики у запотевших окон; Дюбо, Дюбон, Дюбонне... а впереди – отделенный от нас длинным, плавно спускающимся прямым отрезком дороги на Фландрию – Париж зажигал вечерние огни.

Вдруг защипало в глазах, я опустила веки и откинулась на потрепанную обивку сиденья. Но дыхание Парижа неумолимо коснулось меня, проникнув сквозь открытое стекло машины, атаковало тысячью запахов поджаренных кофейных зерен, кошек, водосточных труб, вина, влажного воздуха... Хрипло звучали голоса продавцов газет: «Франс суар», «Пари пресс»... кто-то предлагал лотерейные билеты... полицейские свистки... визг тормозов. «Чего-то не хватает, – рассеянно подумала я, – что-то изменилось...» Но только когда машина вильнула в сторону и я, открыв глаза, увидела, что водитель едва не врезался в группу велосипедистов, мне стало понятно, в чем дело. Шофер не просигналил; неумолчный шум автомобильных гудков навсегда покинул Париж. Я внимательно всматривалась в окружающее, словно никогда не бывала здесь, словно оказалась в чужом городе, живущем незнакомой жизнью.

В душе я была довольна этой переменой. С трудом собрав разбредающие мысли, я заставила себя думать о будущем. Итак, снова Франция; то, о чем я мечтала целых десять лет, наконец исполнилось. Какой бы прозаической или даже тягостной ни была моя новая работа, по крайней мере, она дала мне возможность вернуться в страну, которую я упорно про-

должала считать своей родиной. Если я и обманула мадам де Вальми, то сделала это под давлением обстоятельств. И вот я здесь. Я во Франции. Ярко освещенные кварталы, проплывающие мимо, – здесь мой дом. Очень скоро мы окажемся в самом центре Парижа, пробьемся сквозь сумятицу улицы Руайяль на сверкающие просторы площади Конкорд, где окна отеля «Крийон» смотрят на Сену сквозь ветви каштанов, на которых пока еще не раскрылись почки. А завтра снова отправимся в глубь Франции, мимо нас промелькнут пастбища и виноградники, их сменят холмы, альпийские вершины; наконец мы достигнем Верхней Савойи, где рядом с деревушкой Субиру вознесся над лесами горный замок Вальми... Я легко могла представить себе этот замок. Он вставал у меня перед глазами сотни раз с тех пор, как началось мое путешествие, – волшебный дворец из царства грез, что-то неземное, романтически-таинственное, почти невозможное в реальной жизни, вроде декорации к диснеевскому рекламному ролику, превозносящему зубную пасту Гиббса. Конечно, вряд ли он будет именно таким, но все же... Такси замедлило ход, дернулось и, недовольно урча, остановилось позади автобуса, замершего возле остановки. Я крепко сжала сумочку, лежащую на коленях, и наклонилась вперед, рассматривая улицу.

Сейчас, когда я достигла цели, малейшее промедление казалось нестерпимым. Автобус наконец двинулся, проехал несколько метров и свернул направо. Такси промчалось ми-

мо на расстоянии примерно трех сантиметров, ловко вильнуло между двумя испуганными пешеходами и с бешеной скоростью вырвалось вперед. Вперед, скорее, скорее...

И неожиданно в памяти всплыли строки:

И девять ждут тебя карет – вперед, скорее...

Конечно, все это было совершенно не к месту. Откуда взялись стихи? Я напрягала память, пытаюсь вспомнить... Что-то там про дворцовую роскошь, приволье и богатство... «Пир при свете факелов! Веселье! Игры! И девять ждут тебя карет – вперед, скорее...» Нечто вроде реестра прелестей придворной жизни, составленного соблазнителем, желающим завлечь беспомощную одинокую юную девицу в ловушку, где, прикрытая роскошью, таится гибель. Да, эта строка оттуда – злодей Вентис заманивает невинную дурочку Кастизу в постель князя... («И прямо к дьяволу...») Я улыбнулась, довольная тем, что смогла вспомнить, откуда эти строки. Правда, они сейчас совершенно не к месту.

Сидящая в такси молодая девица спешила не к роскошной жизни и не в лапы к дьяволу (я надеюсь), а просто устраивалась на новое место, чтобы заняться той же работой, которой занималась в Англии. Мисс Линда Мартин, няня и гувернантка Филиппа, графа де Вальми, девяти лет от роду.

Через несколько минут я буду на месте. Меня примет мадам де Вальми – элегантная, с волосами цвета серебра, сидя-

щая с такой горделивой осанкой, столь хрупкая, что кажется, легкий ветерок может ее опрокинуть. Отбросив мысли о волшебном замке, я вынула из сумки зеркальце и стала приглаживать волосы, вспоминая, словно повторяя затверженный урок, все, что мне было известно о новых хозяевах.

Мадам де Вальми во время нашего разговора в Лондоне не особенно рассказывала о семействе, в котором я должна буду служить, но основное в довольно сложных нюансах взаимоотношений между его членами я уловила. Старый граф де Вальми, дедушка Филиппа, был владельцем огромного состояния, которое после его смерти досталось трем сыновьям: его старшему сыну, новому графу – Этьену, Леону и Ипполиту. Этьен получил основную часть, родовой замок Вальми и дом в Париже; Леон, кроме прочего, прелестное имение Бельвинь в Провансе; Ипполит – обширные земельные владения на берегу озера Леман, в нескольких километрах от Вальми. Когда старый граф умер, Этьен, остававшийся холостяком, с благодарностью согласился на то, чтобы Леон не покидал Вальми и исполнял роль управляющего. Этьен предпочитал Париж и направился туда, а Леон жил в Вальми, занимаясь делами имения; оттуда он управлял своими землями в Провансе. Младший брат, Ипполит, известный археолог, в промежутках между заграничными путешествиями и научными экспедициями жил у себя дома, в Тонн-ле-Бен.

Так продолжалось довольно долго. И вдруг, когда уже ни-

кто не ожидал от Этьена подобного поступка, он женился – и через два года на свет появился Филипп. Семья жила в Париже до прошлого года, мальчику скоро должно было исполниться девять лет, и тут его родителей постигла та же судьба, что и моих. Они погибли в авиакатастрофе, возвращаясь из Испании, где провели лето, и Филиппу пришлось уехать из Парижа в Тонон на попечение своего дяди. Ипполит не был женат. «Однако, – сказала мне мадам де Вальми, блиставшая утонченной, словно старое серебро, элегантностью, которую отражало зеркало в стиле эпохи Регентства в гостиной ее номера в отеле „Клеридж“, – однако ребенок очень привык к Ипполиту и любит его. Мой деверь и слышать не хотел о том, чтобы мальчик жил в Вальми, хотя официально это собственность Филиппа...» На губах ее тогда показалась приторная улыбка, рассеянная, холодная, как апрельская луна, и я внезапно поняла Ипполита.

Я просто не могла себе представить, как изысканная Элоиза де Вальми будет возиться с девятилетней мальчишкой. Конечно, для Филиппа было бы лучше оставаться на вилле Мирей с дядей Ипполитом. Даже с археологом, наверное, легче найти общий язык, чем с мадам де Вальми. По крайней мере, он наверняка разделяет свойственную каждому нормальному мальчику страсть копать в грязи.

Но и археологов иногда призывает долг. Филипп успел прожить на вилле Мирей всего несколько месяцев; потом мсье Ипполит, согласно взятому обязательству, должен был

отправиться на раскопки в Грецию и Малую Азию. Вилла Мирей поневоле отпала, и до возвращения Ипполита из экспедиции Филипп переехал в Вальми к другому дяде и тете. А парижская няня, постоянно роптавшая из-за того, что ей приходится жить в таком захудалом городишке, как Тонон, была просто убита перспективой целых полгода томиться в уединенной долине Верхней Савойи и со слезами и упреками уехала обратно в Париж...

И вот я здесь. Удивительно: хотя Париж снова проник мне в душу, знакомый, почти не затронутый изменениями, я все еще не чувствовала себя на родине. Я была иностранкой, чужаком, направляющимся в чужой дом на незнакомую работу. Может быть, чувство одиночества не зависит от каких-либо обстоятельств или места; наверное, оно кроется в самом человеке. Где бы вы ни были, вы сами окружаете себя одиночеством...

Такси пересекло улицу Рике и повернуло направо; здесь все было знакомо. Справа возвышался купол Сакре-Кёр, резким силуэтом выделяющийся на желтом вечернем небе. Где-то под ним, в рассеянном голубом сумраке Монмартра, лежала улица Прантан.

Повинуясь внезапному импульсу, я наклонилась к шоферу, крепко сжимая потрепанную сумочку:

– Вы знаете улицу Прантан? Это за авеню Вершуа, восемнадцатый округ. Пожалуйста, отвезите меня туда, я... я передумала.

Я стояла на мокром тротуаре перед открытой дверью, разглядывая дом номер четырнадцать на улице Прантан. Краска на стенах облупилась; железные перила балконов, на моей памяти ярко-бирюзовые, казались в вечернем свете грязно-серыми. Жалюзи на окне второго этажа висели на одном гвозде. Канарейки мсье Бекара давным-давно передохли – на стене, там, где когда-то висела клетка, не осталось даже темного пятна. Верхний балкон, наш балкон, выглядел совсем крошечным.

Вокруг его краев были расставлены горшки с растрепанной геранью, на перилах сушилось полосатое полотенце.

Как глупо, что я пришла сюда! Глупее не придумаешь! Как будто взяла стакан, чтобы выпить вина, и вдруг увидела, что он пуст. Я быстро отвернулась.

Кто-то спускался по ступенькам. Ясно слышался стук каблучков. Я стояла, питая смутную надежду, что увижу кого-то знакомого. Нет, конечно. Это была молодая женщина, одетая с дешевым шиком, в обтягивающем черном свитере и узкой юбке в стиле площади Вандом, с нитками неправдоподобно крупного жемчуга на шее. У нее были светлые волосы; она жевала резинку. Пройдя через вестибюль к столу консьержки, стоявшему у самой двери, она потянулась к висевшей над ним полке и достала какие-то бумаги, подозрительно глядя на меня:

– Кого-нибудь ищите?

– Нет, – ответила я.

Она перевела взгляд на чемодан, стоящий у моих ног:

– Если вам нужна комната...

– Да нет, – сказала я, чувствуя себя довольно глупо. –

Я просто... я жила здесь раньше, и мне захотелось посмотреть... Мадам Леклерк еще живет здесь? Она была консьержкой.

– Это моя тетя. Она умерла.

– О, простите.

Она перелистывала бумаги, не переставая смотреть на меня:

– Вы похожи на англичанку.

– Я и есть англичанка.

– Да? А говорите без акцента. Ну, я думаю, раз вы жили здесь... Вы имеете в виду, в нашем доме? А как ваша фамилия?

– Моего отца звали Чарлз Мартин. Поэт Чарлз Мартин.

– Это было до меня, – сказала блондинка, лизнула карандаш и сделала осторожную пометку на одной из бумаг.

– Большое спасибо. До свидания, – сказала я и повернулась к чемодану, стоявшему на тротуаре.

Я оглядела внезапно потемневшую улицу в поисках такси. Впереди показалась машина, я подняла руку, но, когда такси подъехало поближе, увидела, что оно занято. Когда машина проезжала мимо меня, уличный фонарь ярко осветил ее сзади. Там сидела пожилая пара – худенькая женщина и до-

родный мужчина в костюме; две девочки-подростка примостились на откидных сиденьях. Все четверо были нагружены свертками и весело смеялись.

Машина скрылась из виду. Улица была пуста. За спиной раздавались шаги блондинки, поднимающейся по лестнице дома номер четырнадцать. Я оглянулась, бросила последний взгляд на свой бывший балкон и отвернулась, всматриваясь в дорогу в надежде увидеть еще одно такси. Ни дом, ни улица больше не казались мне знакомыми, родными.

И вдруг я перестала жалеть, что приехала сюда. Воспоминания о прошлом, пережитом, по которому я так долго тосковала, больше не преследовали меня – словно тяжелое бремя свалилось с плеч. Будущее все еще скрыто где-то в конце темной улицы, вдали от тусклого света фонарей, от которого по небу стлался желтоватый туман.

Я стояла здесь словно на границе между прошлым и будущим и впервые ясно увидела свою жизнь – то, что было, и то, что будет. Воспоминания об отце, матери и улице Прантан мешали мне чувствовать себя как дома в Англии; я не только осиротела, но и лишилась родины и всего, связанного с ней, плыла по течению, не имея никакой цели, не желая примириться с условиями жизни, которые были так жестоко и бесцеремонно мне навязаны.

Я упорно не хотела адаптироваться к ним, завоевать себе достойное место; вела себя как избалованный ребенок, отказывающийся есть пирожные потому, что ему не досталось са-

мое вкусное. Я втайне надеялась, что произойдет чудо и все будет по-старому. Но такого не бывает. В память о детстве я отвергла то, что могла дать мне Англия, а теперь Париж, Париж моего детства, отверг меня. Здесь я тоже была чужаком. И если я хочу найти себе место в любой стране – что ж, человека принимают в свою среду только тогда, когда он заставляет признать его. Этим и придется заняться. Теперь у меня есть шанс – замок Вальми. Пока я ничего не знаю о членах семейства, кроме их имен; но скоро имена облекутся плотью, станут людьми, с которыми я буду жить, для которых буду что-то значить... Я медленно произнесла про себя эти имена, размышляя о тех, кому они принадлежат: Элоиза де Вальми, элегантная и недостижимая в изящной ледяной скорлупе, которая – я в этом уверена – со временем растает; Филипп де Вальми, мой питомец, о котором я знаю только то, что ему исполнилось девять лет и что он не очень крепкого здоровья; его дядя, подлинный владелец замка, Леон де Вальми...

И вдруг произошла странная вещь. Не знаю, может быть, это случилось потому, что я впервые назвала про себя последнее имя полностью, находясь на улице, воскресившей мириады смутных воспоминаний и ассоциаций, которые внезапно, под влиянием какого-то каприза памяти сложились в единое целое, подобно тому как магнит, притягивая стальные булавки, образует из них причудливые узоры. Я вдруг ясно услышала разговор отца с мамой. «Леон де Валь-

ми, – говорила мама (она, по-моему, читала вслух газету). – Леон де Вальми. Здесь пишут, что он стал калекой. Он сломал себе позвоночник, когда играл в поло, и говорят, что если он останется жив, то до конца жизни сможет передвигаться только в инвалидном кресле». Потом безразличный голос отца: «Да? Ах, какое горе! Ничего не могу с собой поделать – мне очень жаль, что он не сломал себе шею. Человечество ничего бы не потеряло». – «Чарлз!» – укоризненно сказала мама, а он добавил: «Почему я должен лицемерить! Ты же знаешь, что я ненавижу этого человека». – «Не могу понять почему», – возразила мама, а отец засмеялся и ответил: «Ну куда уж тебе...»

Потом голоса, звучавшие в моей памяти, умолкли, оставив смутное предчувствие беды и сомнение, действительно ли был когда-то такой разговор между родителями, или это очередная шутка, которую сыграло со мной чересчур живое воображение. Издали показалось такси, и я, должно быть, автоматически подала ему знак остановиться, потому что машина, скрипнув тормозами, замерла прямо передо мной. Я снова сказала:

– Будьте любезны, отель «Крийон», – и села в машину.

Такси рванулось с места, повернуло налево и помчалось по темной, пустой улице Прантан. Звук мотора отражался с удвоенной силой от домов, словно спрятавших глаза за темными жалюзи. «И девять ждут тебя карет – вперед, скорее... И прямо к дьяволу... к дьяволу...» Нет, это было не пред-

чувствие беды, просто я очень волновалась. Я улыбнулась. К дьяволу или еще куда-то, но я все-таки двигалась вперед.

Я постучала в стекло перегородки и сказала шоферу:
– Скорее!

Карета третья

Глава 2

*...И облик тот еще не потерял
Той белизны, которой он сиял,
Могучий, но поверженный Архангел.*

Мильтон. Потерянный рай

*«Он в каждом слове лжет», – подумал я;
Седой калека взором ворожит:
Поверю я бесстыдной этой лжи
Иль нет...*

Браунинг. Чайлд Роланд

Городок Тонон-ле-Бен расположен на южном берегу озера Леман, к северо-востоку от Женевы, примерно в двадцати милях от нее. В Женеве нас встретил большой черный «даймлер», прибывший из Вальми, который плавно покати нас по фешенебельным улицам города к французской границе и Тонону.

Мадам де Вальми очень редко заговаривала со мной в дороге, за что я была ей благодарна; мои глаза и мысли были заняты новыми впечатлениями, а главное – хотя она старалась проявить всю любезность, на которую была способна, но я все же чувствовала себя неловко в ее обществе. В ней

ощущалась какая-то отчужденность, из-за чего с мадам было трудно сблизиться и даже иногда ее понять. Беседа с этой дамой походила на разговор по междугородному телефону: совершенно не пытаясь идти навстречу собеседнику, она вдруг отвлекалась, и контакт с ней полностью терялся. Вначале мне казалось, что мадам делает это намеренно, чтобы держать себя на расстоянии, но, когда она дважды задала вопрос и, потеряв всякий интерес, перестала слушать прежде, чем я ответила, стало ясно, что ее занимают гораздо более важные материи, чем гувернантка Филиппа. Я перестала надоедать ей своими разговорами, что принесло мне облегчение.

Автомобиль с мягким урчанием мчал нас по богатому и процветающему краю, где не было ни одного заброшенно-го клочка земли. Слева, сквозь заросли тополей и плакучей ивы, блестели воды озера, то скрываясь, то снова показываясь из-за тесно растущих деревьев. Справа зеленая равнина постепенно поднималась к подножию заросших лесом холмов, потом смело взмывала крутым подъемом к величественным силуэтам Альп, где ослепительно сверкали огромные снежные шапки. Я подумала, что одна из вершин, возможно, знаменитый Монблан, но, украдкой взглянув на Элоизу де Вальми, поняла, что сейчас не время спрашивать об этом.

Мадам де Вальми сидела с закрытыми глазами. Посмотрев на нее, я подумала, что не ошиблась. Она выглядела усталой и одновременно беспокойной, однако это не мешало ей

сохранять холодное изящество. Очевидно, ей уже за пятьдесят, но женщины подобного типа долго сохраняют красоту независимо от возраста. Это обычно называют утонченностью: прекрасной формы голова, слегка впалые виски, прямой нос с маленькой горбинкой и тонкими ноздрями; только внимательно всмотревшись, можно заметить мелкие морщинки у глаз и в углах рта. Умело подкрашенное бледное лицо с чистой и гладкой кожей, над опущенными сейчас веками гордо изогнутые, красиво очерченные брови. Волосы словно чеканное серебро. Только губы под тщательно нанесенным слоем дорогой помады и руки в серых перчатках, неподвижно лежащие на коленях, слишком тонки, нарушая общее впечатление гармонии и красоты. Эта женщина была словно хрупкая драгоценность, далекая, как луна в небесах.

Я забила в угол. Передо мной возвышались квадратные плечи шофера мадам де Вальми. Рядом с ним, такая же квадратная, безупречно одетая, сидела Альбертина – горничная мадам. И если мне придется – как во всех классических романах, повествующих о гувернантках, – занять неопределенное положение между аристократическим салоном и гостиной для прислуги, по крайней мере сейчас, в этой машине, я нахожусь, так сказать, как раз на подобающем месте. Я была очень рада, потому что мне не очень-то понравилась Альбертина.

Это была черноволосая плосколицая женщина примерно сорока пяти лет, с мрачным, замкнутым выражением лица и

безобразно большими руками. Хотя прошлым вечером она постоянно находилась в покоях мадам де Вальми, но с того момента, как я пришла, ни разу не заговорила со мной. Я несколько раз ловила ее взгляд, полный какой-то холодной ненависти. Сначала это меня удивило, но теперь я поняла, что такое поведение, очевидно, было для нее привычным и не имело особого значения. Она сидела выпрямившись рядом с шофером, крепко сжимая стоявшую у нее на коленях шкатулку с драгоценностями мадам. Шофер и горничная не обменялись ни единым словом. Я бы даже сказала, что они полностью игнорировали друг друга. Их сходство было столь разительным, что я совершенно серьезно размышляла, не супружеская ли это пара (позже мне сказали, что они брат и сестра). Бернар, шофер мадам де Вальми, отличался безукоризненными манерами, но он, как и Альбертина, выглядел так, будто ни разу в жизни не улыбнулся, и был такой же мрачный, словно кто-то его сильно обидел. Надеюсь, эта черта не свойственна всем жителям Савойи... Я снова украдкой посмотрела на неподвижное лицо мадам. Оно тоже не внушило мне особой радости. Да, трудно будет выбирать между салоном и гостиной для прислуги...

Мы пересекли границу и теперь поднимались к Тонону; там дорога повернет на юг, в сторону гор. Все выше и выше; слева расстилалась глубокая долина, где были рассыпаны группы домов с яркими крышами и фруктовые сады, окутан-

ные бледно-зеленым туманом распускающихся почек. Долина спускалась ниже, к поясу деревьев, окаймлявших берега озера. Кое-где сквозь путаницу еще безлистных ветвей проглядывали трубы домов побольше. Один из них – мадам де Вальми удивила меня, открыв глаза и приподнявшись на сиденье специально для того, чтобы показать мне этот дом, – был виллой Мирей, где жил Ипполит, третий, младший брат в семействе де Вальми. Я успела увидеть трубу виллы среди окружавших ее деревьев. Над ней не поднималась струйка дыма, как над другими домами. Вдали расстиралось сверкающее зеркало озера Леман, шелковистая поверхность которого лениво морщилась под полуденным солнцем. На ярко-синем фоне озера кое-где мелькали еле заметные пятнышки белых и алых парусов.

Стоял теплый день, и городок, который мы проезжали, нежился в солнечных лучах. Улицы были окаймлены аккуратно подрезанными деревьями, на ветвях которых уже распустились бледно-зеленые листочки. Хозяева лавок разложили товары на тротуарах; под теплым ветерком развевались на вешалках яркие набивные платья; среди сморщенных яблок прошлогоднего урожая сверкал блестящий, как игрушка, зеленый и красный перец; стояли ряды празднично разрисованных цветочных горшков, целые леса садовых инструментов, выкрашенных ярко-зеленой краской. А края тротуаров были уставлены цветами: здесь стояли ведра тюльпанов и фрезий, красные шары петушиных гребешков, бе-

лые и ярко-желтые глазастые нарциссы, пурпурные и лиловые анютины глазки, ирисы, чьи лепестки сияли белым, кремовым, голубым и темно-синим... целое море! И все эти цветы, втиснутые в ведра и тазы вместе, на французский манер, трепетали и благоухали на солнце.

Я, должно быть, вскрикнула от восхищения, когда мы проезжали мимо этого цветочного изобилия, потому что, помню, мадам де Вальми слегка улыбнулась и произнесла:

– Вы не видели, каким бывает Вальми в апреле!

Потом мы повернули направо, и дорога вновь повела нас ввысь, через заросшие деревьями пригороды, прямо в горы.

Скоро мы очутились в узком ущелье, где дорога, река и линия железной дороги, сплетаясь в причудливый узор, пробивали себе путь среди высоких утесов, на которых были беспорядочно разбросаны деревья. Потом железная дорога повернула направо, бесследно исчезнув в туннеле, но зато с левой стороны шоссе нас сопровождала река – зеленоватый-белый поток, мчавшийся вниз по склону по узкому, усеянному камнями руслу. Вокруг сомкнулись утесы. Над нами серые, по-мартовски голые деревья уходили вершинами в облака. Дорога круто пошла вверх. Далеко под нами неслась покрытая белой пеной река, гремя о камни.

«Мрачная долина, – отметила я про себя. – И дорога опасная...» Но вот мы сделали крутой поворот в месте, называвшемся Бель-Сюрприз, и перед нами, словно светлая прореха в непроницаемо-темном занавесе, открылись луга Вальми.

– Это селение Субиру, – сказала мадам де Вальми, – вон там, подальше. Оно снова скроется из виду, когда дорога пойдет вниз, среди деревьев.

Я наклонилась вперед и посмотрела вдаль. Селение Субиру лежало, словно на плоском блюде, среди лугов и полев, безмятежно спокойное среди обступивших его невысоких гор. Я увидела блеск тонких нитей ручьев и ряды плачущих ив там, где среди зеленых трав встречались два потока. Субиру находилось у самого их слияния; яркое, как игрушка, оно четко вырисовывалось в прозрачном воздухе. Ясно были видны все три его моста, небольшой часовой завод и собор Святой Марии, где на шпиле знаменитой колокольни сверкал в солнечных лучах флюгер.

– А где же Вальми? – спросила я, когда машина снова направилась вниз и густые заросли по обе стороны шоссе закрыли вид. – Мы, наверное, уже подъезжаем?

– Слева – наши леса, леса Вальми. Они тянутся почти до Тонона. Мерлон – так называется река – идет по границе между Вальми и Дьедонне, это имение справа от дороги. Скоро мы переедем через реку, и тогда, – мадам слабо улыбнулась, – тогда вы увидите Вальми.

Она говорила все это своим обычным, спокойным голосом, чистым и ясным, как серебристые звуки флейты. Но мне внезапно показалось, что мадам... возбуждена? Нет, это слишком сильно сказано, наверное... просто немного взволнована возвращением... Очевидно, я заблуждалась на

ее счет еще минуту назад; несмотря на хрупкий облик горожанки, она любит эту далекую горную долину и с радостью возвращается сюда. Я ощутила невольный прилив симпатии к ней:

– Здесь чудесно, мадам де Вальми! Какое красивое место!

Она улыбнулась:

– Да, не правда ли? И вам повезло, мисс Мартин, в этом году ранняя весна. Зимой иногда бывает холодно и мрачно, но всегда красиво. По крайней мере, мне так кажется. Много лет это был мой... наш дом.

– Мне понравится здесь! – горячо сказала я. – Непременно понравится!

Тонкая рука, затянутая в перчатку, слегка шевельнулась.

– Надеюсь, мисс Мартин, – довольно любезно, но без особой теплоты ответила мадам де Вальми.

Улыбка исчезла – и лицо снова приняло холодное, рассеянное выражение, глаза смотрели мимо меня: она словно забыла о моем существовании. Наконец она отвернулась. Может быть, мое место в машине и было рядом с мадам, но, во всяком случае, я должна сдерживаться и знать свое место.

Я искоса нерешительно посмотрела на нее, но она этого не заметила; тогда я повернулась к окну. И сразу же увидела замок.

Мы уже некоторое время ехали по долине: направо тянулось урочище Дьедонне – высокие пихты, вершины которых, освещенные солнцем, колыхались от свежего ветра;

а за крутым берегом реки сплошной массой вздымались леса Вальми – дикие заросли, где среди орешника и берез проглядывал остролист, а огромные сероватые буки, словно стадо диких слонов, горделиво выступали из кустов боярышника и ломоноса. Над этим спутанным переплетением ветвей поднималось высокое плато, а там, на фоне дальнего леса и крутого горного склона, возвышался замок Вальми, его окна пылали, отражая солнечный свет. Беглого взгляда на здание оказалось достаточно, чтобы убедиться – это не романтическое средневековое строение со шпилями и башнями, а классическое четырехугольное здание, изящное и гармоничное, как все дома, построенные в восемнадцатом веке. Замок казался удивительно легким и призрачным: он словно парил, озаренный светом весеннего солнца, над темным морем деревьев. Он казался очень далеким и совершенно неприступным, но едва я успела подумать об этом, как машина замедлила ход, свернула с дороги на изящный небольшой каменный мост, проложенный через реку Мерлон, проехала узкий туннель, образованный нависшими ветвями деревьев, и быстро двинулась вверх по крутому склону.

Дорога к замку шла зигзагами – серия крутых опасных поворотов, которые машина преодолела в несколько приемов. Мы словно поднимались на лифте; сначала миновали участок, заросший лесом, потом открытый склон и наконец проехали вдоль высокой каменной стены ограды парка, окружающего замок. Сверху находилась мощенная гравием пло-

щадка размером с небольшое поле. Преодолев последний поворот, машина плавно въехала на площадку и, сделав широкий круг, остановилась у огромной входной двери в северной стене замка.

Шофер, выйдя из машины, обошел ее кругом, чтобы открыть дверцу для мадам де Вальми и помочь ей выйти. Альбертина, не удостоив меня словом или хотя бы взглядом, занялась свертками и прочим ручным багажом. Я вышла из машины и остановилась в ожидании, пока мадам говорила с Бернаром, очень быстро и почти шепотом, так что я ни слова не разобрала.

Вначале мне показалось, что разговор имеет какое-то отношение ко мне, потому что маленькие темные глаза шофера неотрывно следили за мной, словно все его мысли были поглощены моей особой. Но очевидно, это было лишь выражением естественного интереса к новенькой: скоро Бернар, не проявляя никаких эмоций, отвел глаза, опустил голову и больше уже не смотрел в мою сторону, занявшись выгрузкой багажа.

Наконец мадам де Вальми обратилась ко мне:

– Ну вот, мы на месте.

Вообще-то говоря, это было и так понятно, но голос моей хозяйки звучал так приветливо, словно она произнесла: «Добро пожаловать!» Бегло улыбнувшись мне, она отвернулась и пошла по гравию дорожки.

Лишь подойдя ближе к дому, я осознала, какой он огром-

ный и красивый: квадратный фасад, к двери ведет широкая, изгибающаяся дугой лестница, через арку слева можно пройти во двор и к различным службам; позади замка ярко освещенный солнцем склон, где расположены огороды, склон поднимается в горы, заросшие лесом... Я видела все это неясно, как в тумане. Словно порыв свежего ветра, меня опьянил яркий солнечный свет, широкий простор и мелодия шепчущих деревьев. Кругом разлилось золотое сияние ясно-го весеннего дня. Воздух был холодный, ароматный, пахло сосной и тающим снегом.

«Да, это вам не Северный Лондон!»

Я прошла вслед за мадам по широким ступеням, мимо склонившегося в поклоне лакея, в холл замка.

Вначале я не заметила женщину, которая ожидала нас там, в нескольких шагах от высокой двери.

Холл казался огромным, такое впечатление создавалось в основном из-за того, что потолок был очень высоким и помещение тонуло в полутьме. Пол, от которого веяло холодом, вымощенный квадратными плитами черного и белого мрамора, напоминал гигантскую шахматную доску. Напротив входной двери к широкой площадке поднималась лестница, освещенная прямыми лучами света, которые струились из окна с пятью стрельчатыми арками. На площадке лестница разделялась, поднимаясь двумя изящными дугами к галерее. Больше мне ничего не удалось различить, ибо яркий свет, проходящий сквозь арку высокого окна, падал прямо в центр

холла, оставляя все вокруг в глубокой тени.

Я несколько раз моргнула, чтобы привыкнуть к такому освещению. Потом послышался женский голос, и к нам подошла пожилая дама. Очевидно, это домоправительница мадам де Вальми: коренастая женщина, которой, вероятно, уже минуло шестьдесят, с полным добродушным лицом и седыми волосами, собранными в старомодный пучок. Она была одета во все черное, а ее единственным украшением – если это можно назвать украшением – служило пенсне в золотой оправе, выглядывавшее из нагрудного кармана, с цепочкой, прикрепленной к платью золотой булавкой. Ее спокойное лицо, немного переваливающаяся походка, облик в целом – все было воплощением респектабельности. Во всяком случае, в этой женщине не было ничего от скрытных темно-волосых и смуглых жителей Савойи.

Здороваясь с мадам де Вальми, она с любопытством взглянула на меня. У нее оказался приятный голос; слова она выговаривала так, будто ей постоянно не хватало воздуха, – быстро и, к моему удивлению, с ужасным акцентом.

Мадам рассеянно отвечала ей. В потоке безжалостного света морщины на ее лице обозначились явственнее. Неожиданно она произнесла, глядя мимо женщины в черном, в темную глубину холла:

– А как здоровье вашего хозяина?

– О, прекрасно, мадам. Последние несколько дней он был... простите, мадам... совсем таким, как прежде: всем

интересовался, строил разные планы... О, совсем как в прежние времена, мадам.

Она говорила с легкой фамильярностью служанки, давно живущей в доме, и на ее лице можно было прочесть искреннее удовлетворение тем, что она может сообщить хозяйке что-то хорошее. По правде говоря, большее удовлетворение, чем выразила сама мадам де Вальми. Мне показалось даже, что она нахмурилась.

– Планы?

– О да, мадам. Я не знаю, в чем они заключаются, но Арман Лесток и хозяин долго беседовали насчет этого. Наняли еще несколько человек для работы в саду, и приходил мастер, чтобы подсчитать, во сколько обойдутся работы, о которых хозяин говорил прошлой зимой. Между прочим, сейчас он здесь, мадам. Пошел проверить балкон западного фасада, где расшаталась кладка. Мне кажется, хозяин тоже там – его лифт не стоял на первом этаже, когда Седдон затапливал камин в библиотеке.

Мадам де Вальми снимала перчатки быстрыми нервными движениями. Внезапно она произнесла:

– Вы не знаете, были какие-нибудь известия о мсье Ипполите?

– Мне кажется, были, мадам. Неделью назад от него пришло письмо... во вторник, нет, в среду; тогда же мы получили ваше письмо из Лондона относительно этой молодой леди. – Она замолчала, переводя дыхание, и кивнула головой: –

Да, так оно и есть. Письмо из Афин пришло в среду, потому что я помню, что в тот день Арман Лесток был здесь, и...

— Очень хорошо, миссис Седдон, благодарю вас, — казалось, мадам де Вальми не слушала ее. — Вы сказали, что хозяин наверху? Пожалуйста, пошлите кого-нибудь сказать, что мы с мисс Мартин уже здесь.

— Я как раз сделала это, мадам. Хозяин настоятельно просил известить его о вашем прибытии тотчас же.

— А, благодарю вас. — Резко повернувшись ко мне, мадам сказала по-английски: — Ну вот, миссис Седдон, это мисс Мартин. Я написала вам о ней в тот же день, когда известила хозяина. Мисс Мартин, миссис Седдон — наша домоправительница. Она англичанка, поэтому вы не будете чувствовать себя совсем одинокой. Ее муж — наш лакей, они сделают все, что в их силах, чтобы помочь вам освоиться у нас.

— Обязательно, — с готовностью подхватила миссис Седдон. Она с улыбкой посмотрела на меня и энергично кивнула, так что золотая цепочка, висевшая у нее на груди, подпрыгнула, сверкнув. — Я уверена, все здесь будут очень вам рады.

— Комнаты мисс Мартин приготовлены?

— О да, мадам, конечно. Я сейчас проведу ее по дому и все покажу, чтобы она немного освоилась.

— Да, благодарю вас, но не сейчас. Она пойдет со мной наверх. Вы подождете ее?

— Конечно, мадам.

Миссис Седдон снова кивнула и улыбнулась; потом, отдуваясь, она стала медленно, но решительно подниматься по лестнице, похожая на маленькое деловитое буксирное судно.

Мадам де Вальми повернулась, словно хотела заговорить со мной, но, посмотрев куда-то мимо, перестала теребить перчатки, которые сжимала в руках.

– Леон!

Я не слышала звука приближающихся шагов. Быстро повернулась. Но только через несколько секунд увидела, как темный силуэт, отделившись от других теней, наполнявших холл, плавно двинулся к нам.

Я знала, чего ожидать, но все равно инстинктивно посмотрела слишком высоко, на уровень обычного человеческого роста, затем так же инстинктивно опустила глаза. Неестественно короткий, словно обрубленный, силуэт бесшумно, как во сне, скользил по мраморному полу и наконец застыл на расстоянии шести футов от нас.

Жалость, отвращение, любопытство, горячее желание скрыть эти чувства... все это пропало, улетучилось, словно сухие листья под порывами ветра, когда я обернулась. Может быть, из-за театральной эффектности его внезапного появления: только что он был просто тенью и вдруг совершенно бесшумно появился во плоти и крови... И к тому же вряд ли Леон де Вальми мог вызвать жалость: передо мной был крупный, красивый и сильный мужчина, молча сидящий в инвалидном кресле, который одним своим присутствием по-

давил всех, находящихся в холле, — слуги словно растаяли перед ним еще до того, как он остановился. Тишину нарушали лишь мерные шаги миссис Седдон, которая, легонько пыхтя, поднималась по лестнице с левой стороны галереи.

Очевидно, из-за неотразимости личности Леона де Вальми я с первого же взгляда не восприняла его как калеку: это был самый привлекательный мужчина из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть. Правда, мой жизненный опыт весьма ограничен, но Леон де Вальми в любой компании не остался бы незамеченным. Возраст придал его необычайной красоте своеобразную утонченность, легкие морщины на щеках и седина создавали впечатление изысканной изможденности, белая грива волос составляла удивительный контраст с блестящими темными глазами и черными дугами бровей. Красиво очерченные губы были сжаты в тонкую жесткую линию, как бывает при сильной боли. Руки казались нежными, как у людей, не занимающихся ручным трудом, кожа была мертвенно-бледной. Но Леона де Вальми никак нельзя было назвать инвалидом — это владелец замка и глава рода де Вальми, и та половина его тела, которая не парализована, обладает удивительной жизненной силой.

Здороваясь с женой и глядя на меня, он улыбнулся и от этого стал еще красивее. Я не могла понять, почему вдруг почувствовала какое-то беспокойство и отчего вообразила, что голос Элоизы де Вальми, представлявшей нас друг другу, звучит напряженно и необычно звонко, словно туго на-

тянутая струна.

Глядя на мадам, я подумала: «Она его боится...» Потом приказала себе забыть эти глупости. Такие мысли – плод моего романтического воображения, следствие рассказов отца об изощренных интригах знати. Вряд ли здесь вдруг потянет адским запахом серы только потому, что этот человек выглядит словно падший ангел из поэмы Мильтона и появился, как Князь Тьмы, из темноты потайной двери.

Я очень смутилась, когда пришлось нагнуться, чтобы пожать ему руку, но надеялась, что он ничего не заметил. Я ошибалась.

– Вас уже предупредили? – тихо произнес Леон де Вальми.

Его темные глаза обратились к жене, стоявшей рядом со мной. Мадам приподняла руку, словно протестуя. Их взгляды встретились, и Леон слегка поднял брови. Он понимал все с первого взгляда. Чувствуя себя виноватой – ведь я скрыла, что знаю французский язык, – я неуверенно переспросила:

– Предупредили?

– О том, что Люцифер пал с небес, мисс Мартин?

Я широко раскрыла глаза от удивления. Неужели этот человек телепат? Может быть, он решил, что для полного эффекта никак не обойтись без запаха серы? Или... может, он считает, что чем-то походит на низвергнутого с небес ангела, чье имя только что назвал? Странно, но последнее предпо-

ложение сделало его в моих глазах более человечным и радимым.

Не дав мне времени опомниться, он снова улыбнулся.

– Простите. Я пытаюсь изъясняться загадками. Я имел в виду несчастный случай, который, как вы видите...

– Я знаю. Я просто была удивлена, потому что тоже подумала о Люцифере, – поспешно и, как мне показалось, с излишней откровенностью сказала я.

– Что вы говорите?

В его смехе слышались саркастические нотки; однако, кажется, мои слова польстили ему. Потом он умолк и окинул меня внимательным, оценивающим взглядом. Я с опозданием вспомнила, что, собственно говоря, я здесь прислуга, а он – мой хозяин, почувствовала, что краснею, и сказала быстро, не задумываясь:

– Кто-то рассказал мне об этом несчастном случае; это было в самолете по пути в Париж.

– Да? Может быть, кто-то из наших знакомых?

– Да, кажется. Мы разговорились. Когда я сказала ей, что еду сюда, она вспомнила, что встречалась с вами.

– Она? – вмешалась Элоиза де Вальми.

– Я не знаю, как ее зовут. Пожилая дама из Лиона или вроде того. Не помню.

– Кто бы она ни была, хорошо, что предупредила об этом, – сказал Леон. Он немного помолчал, опустив голову и глядя себе на руки, потом медленно продолжил: – Вам может

показаться очень странным, мисс Мартин, но, по-видимому, моя супруга очень не любит говорить о моем... уродстве. А в результате многие испытывают шок при первой встрече со мной. Да и я сам – хотя прошло уже двенадцать лет – испытываю весьма неприятное ощущение, когда читаю удивление и жалость в глазах тех, кто видит меня впервые. Может быть, мы с женой ведем себя глупо... Может быть, вы уже в душе осудили меня и сочли неврастеником... Но это очень понятная и легко объяснимая слабость, мисс Мартин. Мы оба достаточно долгое время делали вид, что ничего не произошло, и вряд ли будем испытывать благодарность к тому, кто развеет иллюзию.

Он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

– Придет день, когда это больше не будет иметь значения. – Он пожал плечами и криво улыбнулся. – Но пока что...

В его словах не чувствовалось горечи, лишь легкий сарказм. Но они оказались настолько неожиданными, что я была смущена и полностью обезоружена, поэтому ответила не задумываясь и, наверное, довольно глупо:

– О нет, пожалуйста, не думайте об этом. Как вы можете говорить об уродстве? Во всяком случае, его даже не замечаешь... честное слово...

Я внезапно умолкла, испуганная собственными словами. Как могла какая-то Линда Мартин сказать подобное самому мсье де Вальми? Только что нанятая гувернантка – своему

хозяйину? Я даже не подумала о том, что он, возможно, намеренно спровоцировал меня. Чувствуя себя в высшей степени неловко под его взглядом, закусив губы, желая перенестись за тысячу миль отсюда, я пробормотала:

– Простите. Я не хотела сказать... Я имела в виду только...

– Благодарю вас, дорогая. – Голос его звучал совершенно серьезно, но в глазах мелькнула насмешливая искра. Затем он проговорил любезным тоном: – Мне кажется, Элоиза, что ваша на удивление глупая приятельница леди Бенчли до некоторой степени оправдала свое существование, порекомендовав нам мисс Мартин. Нам действительно повезло, что мы нашли вас, мисс Мартин, и мы счастливы принять вас в Вальми. Надеюсь, нам удастся сделать так, чтобы вы чувствовали себя как дома. – Он остановился. Снова эта искра во взгляде. – Может быть, я неудачно выразился. Мне следовало бы сказать так: я надеюсь, что Вальми станет вашим настоящим домом.

– Благодарю вас, – чопорным тоном сказала я. – Вы очень любезны. Я счастлива, что имела возможность получить эту работу, и постараюсь...

– Постараетесь сделать все, что в ваших силах? Вы правы, официальный тон успокаивает нервы много лучше брома. Почему вы так на меня смотрите?

– Простите. Конечно, это не особенно вежливо... Просто... просто вы удивительно хорошо говорите по-англий-

ски, — сказала я, немного запинаясь. «Черт бы побрал этого человека; неужели он всегда будет выбивать меня из колеи?» Я закончила свою неудачную речь, холодно прибавив: — Сэр.

Он открыто засмеялся — искренний смех, который поставил точку над нашей пикировкой и завершил эту не вполне понятную игру. Потом самым непринужденным образом перешел к другой теме и начал весьма внимательно и любезно расспрашивать меня о нашем путешествии и о том, какое впечатление произвела на меня долина Вальми; мадам, улыбаясь, присоединилась к нему; очень скоро, ободренная этой приветливостью, я успокоилась и окончательно пришла в себя. Я чувствовала себя с ними совершенно естественно. Более того, осознала, что они мне нравятся. Трудно было устоять против обаяния Леона де Вальми, а он постарался проявить его в полной мере... и я, усталая, одинокая, взволнованная, легко поддалась ему. Поговорив с ними еще несколько минут, я почувствовала себя уверенно, вновь обретая достоинство и отбросив недавние подозрения как пустые фантазии. Мсье и мадам де Вальми — красивая и приятная супружеская пара, я буду и дальше с ними в хороших отношениях, буду наслаждаться жизнью в замке Вальми, снова найду себе семью, хотя бы и в качестве скромной гувернантки.

«Адский запах серы? Что за чушь!»

И все же очень скоро, вспомнив начало нашего разговора, я поняла, что под внешним блеском что-то скрывается. «С этим человеком надо всегда быть начеку», — как-то сказал

мой отец, и теперь мне стало ясно, что он имел в виду. Леон, как никто другой, умел привлечь к себе... в этом я нисколько не сомневалась. Чертовски привлекательный мужчина, чертовски... я намеренно употребила это прилагательное, оно как нельзя лучше подходило к нему. Но, несмотря на весь его шарм, я все же была немного рассержена. Леон де Вальми вел со мной непонятную игру, и это мне не нравилось. Он заставил меня проявить жалость и сочувствие, в которых нисколько не нуждался... и такая реакция его позабавила.

Я не пыталась объяснить даже себе самой, почему я так сразу и безоговорочно с головой окунулась в целое море лжи, придумав некую пожилую даму из Лиона; почему у меня никогда, ни за что не хватит смелости признаться Леону де Вальми в том, что я говорю по-французски даже лучше, чем по-английски, и что я прекрасно поняла слова, сказанные им Элоизе, когда меня наконец отпустили и я поднималась по лестнице к миссис Седдон, которая ждала на площадке галереи.

Он тихо произнес и при этом, уверена, следил взглядом за мной:

– Как бы то ни было, Элоиза, возможно, ты совершила очень большую ошибку...

Глава 3

*Стоит в приятном месте этот замок.
Здесь даже воздух нежит наши чувства —
Так легок он и ласков... Охрип,
Прокаркав со стены о злополучном
Прибытии Дункана, даже ворон.*

Шекспир. Макбет²

Мои комнаты были даже лучше, чем я могла себе представить, не говоря уже об апартаментах, в которых мне приходилось жить. Высокие окна выходили на западный фасад с балконом, из них открывался ошеломляющий вид на долину — он буквально выманил меня на балкон.

Я оперлась о каменную балюстраду и осмотрелась. Замок стоял так высоко, что казалось, будто мы находимся на одном уровне с лесом во владениях Дъедонне, за рекой Мерлон. Внизу, вдоль выющейся ленты дороги, голые вершины деревьев волновались, точно серые облака. Балкон словно летел в золотистом воздушном просторе. К югу светились белые домики селения Субиру, похожие на блестящие игрушки.

Я обернулась. Миссис Седдон стояла, улыбаясь, у окна, скрестив пухлые руки под полной грудью.

² Перевод Ю. Корнеева.

– О, это... это чудесно! – сказала я.

– Да, красивое место, – отозвалась она материнским тоном. – Ну конечно, многим не нравится жить в сельской местности. Я-то всю свою жизнь прожила в деревне. А теперь я покажу вам спальню, если вы пройдете со мной вот сюда.

Я последовала за ней через уютную гостиную к угловой двери, напротив камина.

– Комнаты сообщаются друг с другом, – объяснила миссис Седдон. – Они выходят или в этот коридор, или в такой же с южной стороны. Вы видели, что балкон идет вдоль всего дома. Эти комнаты в конце коридора были построены для детской, и все они сообщаются друг с другом. А вот и ваша спальня.

Спальня была еще уютнее и красивее (насколько это вообще было возможно), чем гостиная. Я сказала об этом миссис Седдон. Она с довольным видом улыбнулась, подошла к двери, которую я вначале не заметила, потому что, как и стены, она была отделана панелью цвета слоновой кости с золотом.

– Эта дверь ведет в ванную, с другой стороны находится спальня маленького Филиппа. У вас общая ванная комната. Надеюсь, ничего не имеете против?

В приюте Констанс Батчер нам приходилось выстаивать очередь, чтобы выкупаться.

– Нет, – ответила я, – не имею ничего против. Очень современно, правда? Ванная за панелями. Наверное, все при-

видения удрали отсюда, когда проводили водопровод и укладывали трубы. Правда, миссис Седдон?

– Никогда не слышала, чтобы в замке водились привидения, – степенно ответила миссис Седдон, – раньше здесь была кладовая, она занимала все свободное пространство между этими двумя комнатами. Потом половину отделили для ванной, а в другой половине сделали маленькую буфетную с электрической печкой, чтобы можно было кипятить чай для няни и готовить какао Филиппу на ночь. Вот она.

Приоткрыв дверь, она показала небольшую, безупречно чистую комнату, которая, казалось, служила и буфетной, и кладовой. За дверью были аккуратно расставлены и разложены вещи, необходимые в домашнем хозяйстве: пылесос, стремянка, щетки, тряпки, а рядом, среди продуманно расположенных встроенных шкафов и сверкающих стеклянными дверцами полок, находилась небольшая электрическая плита. Очевидно, на моем лице отразилось удивление, потому что миссис Седдон добавила:

– В этом крыле всегда находились комнаты для занятий, здесь вырос сам хозяин и его братья, а потом, понимаете, когда родился мистер Роул, здесь произвели изменения – со всякими электрическими штуками и всем прочим.

– Мистер Ро... Рауль? – спросила я.

– Да, хозяйский сын. Он живет в имении, которое они называют Беллвин. Это имение хозяина на юге.

– Да, я слышала об этом имении – Бельвинь. Но не знала,

что у мсье Леона есть сын. Мадам де Вальми не сказала... вообще, она не очень-то много мне сказала. Я почти ничего не знаю об их семье.

Миссис Седдон внимательно посмотрела на меня.казалось, она хотела что-то сообщить, но просто заметила:

– Да? Ну, думаю, вы сами скоро все узнаете. Понимаете, мистер Роул – не сын мадам. Она у хозяина вторая жена. Мать мистера Роула умерла двадцать лет назад как раз в это время, весной, когда ему было всего восемь. Шестнадцать лет назад хозяин женился во второй раз, и его нельзя за это осуждать. Понятно – в таком большом доме трудно жить одному. Но вообще-то, – словоохотливо продолжала миссис Седдон, пересекая комнату, чтобы поправить завернувшуюся портьеру, – в то время хозяин не особенно любил сидеть один в доме; понимаете, о чем я говорю? Они любили пожить весело, он и его старший брат, если верно все, что о них говорят. Но молодежи ведь надо перебеситься! Теперь-то наш бедный хозяин не может позволить себе такое, даже если бы очень захотел, а несчастный мсье Этьен погиб, упокой Господи его душу там, где нет ни мирских плотских мыслей, ни дьявольских искушений; по крайней мере, я надеюсь на это.

Она снова повернулась ко мне, немного задыхаясь от длинной речи. Во всяком случае, миссис Седдон явно не разделяла привычки мадам де Вальми держать свои мысли при себе.

– Хотите осмотреть весь дом или отложим это на будущее? Мне кажется, вы устали.

– Если можно, немного отложим.

– Как хотите. – Она снова взглянула на меня с хитринкой. – Послать к вам Берту помочь распаковать чемодан?

– Нет, спасибо.

Этот взгляд значил, что она отлично понимала: я не захочу, чтобы горничная инспектировала скудное содержимое моего чемодана. Я не обиделась; напротив, была ей благодарна.

– А где детская? – спросила я. – За спальней мсье Филиппа?

– Нет, его спальня – последняя в этом ряду, потом идет ваша спальня, за ней ваша гостиная, а уж потом детская. За этими комнатами расположены покои мадам, а комнаты хозяина за углом, над библиотекой.

– Ах да! У него ведь там лифт, верно?

– Да, мисс. Его устроили после несчастного случая. Это было... погодите-ка... в июне исполнится ровно двенадцать лет.

– Да, мне рассказывали об этом. А вы тогда были здесь, миссис Седдон?

– Ну конечно. – Она снисходительно кивнула. – Я приехала сюда тридцать два года назад, мисс, когда хозяин женился в первый раз.

Я присела на краешек кровати и с интересом взглянула на

миссис Седдон:

– Тридцать два года? Но ведь это целая вечность, миссис Седдон. Вы приехали вместе с первой мадам де Вальми, правда?

– Да, верно. Она была из Нортумберленда, так же как и я.

– Значит, она была англичанкой? – удивленно спросила я.

– Да, конечно. Какая же это была прелестная девушка, моя мисс Дебора! Я служила у них в доме еще тогда, когда она была совсем ребенком. Однажды весной они встретились с хозяином в Париже и на следующий день уже были помолвлены, вот так! О, как это было романтично, настоящий роман! «Мэри, – сказала она (Мэри – так меня зовут, мисс), – Мэри, вы поедете со мной, правда? Тогда я не буду чувствовать себя такой одинокой», – так она сказала. – Миссис Седдон кивнула мне, привычно прослезившись в этом месте своего монолога. – Я тогда сама встречалась с Артуром (это мистер Седдон). Я вышла за него замуж и взяла с собой. Разве я могла позволить, чтобы мисс Дебора отправилась одна-одинешенька в чужие края к иностранцам?

– Конечно нет, – сочувственно заметила я.

Миссис Седдон лучезарно улыбнулась, скрестив руки под вздымающейся грудью, готовая продолжать этот разговор до тех пор, пока у меня хватит терпения слушать. Она производила впечатление человека, затеявшего любимую игру, но успевшего подзабыть ее правила. И если я была счастлива лицезреть ее добродушное английское лицо после угрюмых

физиономий Альбертины и Бернара, миссис Седдон была не менее довольна возможностью поболтать со мной по-английски. И конечно, разговаривать с гувернанткой не считалось недопустимым, это ведь не «общение с прислугой». Скорее всего, и миссис Седдон не попала в мой проскрипционный список. Во всяком случае, я решила выведать у нее все, что возможно.

— Ну а когда ваша мисс Дебби... умерла, — сказала я, — вы не вернулись в Англию? Почему вы остались, миссис Седдон?

Она не смогла внятно ответить на этот вопрос; но по ее пространным рассказам я составила себе более или менее ясное представление о том, что произошло. К тому времени отец мисс Дебби тоже умер, его дом был продан, а в замке Вальми миссис Седдон и ее супруг имели прекрасную работу, и хозяин высказал пожелание оставить их у себя... Я также догадалась, что благодаря мисс Деборе они заняли в доме такое положение, которого им вряд ли удалось бы достичь где-нибудь в другом месте; Седдон, которого я до сих пор видела только один раз, был чрезвычайно вылощен, вежлив и респектабелен; миссис Седдон была образцом полномочной и умелой домоправительницы; но ее голос и манеры, несмотря на все попытки казаться знатной дамой, выдавали простую и добродушную Мэри Седдон, дочь помощника садовника.

Я выслушала пространное описание мисс Деборы и ее до-

мочадцев, ее отца, дома, пони, драгоценностей; свадьбы, свадебных подарков и гостей, почтивших своим присутствием свадебный пир. Когда мне показалось, что мы вот-вот перейдем (после замечания о том, как счастлива была бы матушка Дебби присутствовать на свадьбе, если бы тогда еще жила) к такому же подробному описанию туалетов, драгоценностей и всего прочего, принадлежавшего матери Дебби, а также ее свадьбы – по рассказам матери миссис Седдон, я решила, что пора вернуть мою собеседницу к событиям, которые произошли «в чужих краях у иностранцев».

– И кроме того, у мисс Дебби был сын, правда? Вы, конечно, остались здесь, чтобы смотреть за ним?

– Мистер Роул? – Она поджала губы. – Они наняли ему французских няnek. И он был очень спокойный ребенок, немного похож на мсье Филиппа, такой тихий и никогда никому не мешал. Ну кто бы мог подумать... – Она замолчала, немного задышавшись, и покачала головой. – Да, мисс, что ни говори, а он все же наполовину иностранец.

В этом высказывании была вся суть сельской Англии. Слово «иностранец» прозвучало как окончательный приговор. Я с нетерпением ожидала продолжения, но, к моему крайнему раздражению, она добавила:

– Но уж я-то никогда не была сплетницей и не болтала чего не следовало. А теперь, с вашего позволения, мне надо заняться своими делами. Не буду мешать вам распаковывать вещи. И если что-нибудь понадобится, мисс, вам следу-

ет только обратиться ко мне или к Седдону и мы сделаем для вас все, что нужно.

– Большое спасибо. Как я счастлива, что вы здесь! – с наивным видом произнесла я.

Она, видимо, была польщена моими словами:

– Мне очень приятно это слышать, мисс. Но вы скоро почувствуете себя как дома и освоитесь. Когда я сюда приехала, то не знала ни слова по-французски, а теперь говорю быстро, прямо как они.

– Да, я слышала. Вы говорите просто чудесно. – Я встала и щелкнула застежками чемодана. – Тридцать лет – долгий срок, особенно вдали от родины. У вас никогда не возникало желания вернуться в Англию, например, когда мсье Леон снова женился?

– О, мы с Седдоном говорили об этом, – спокойно ответила она, – но у него характер легкий, нам понравилась новая мадам де Вальми, и она была нами довольна, поэтому мы решили остаться. И кроме того, еще с детских лет я страшно страдала от астмы; говорите что хотите, но все эти новоиспеченные средства – антигистические или антиистерические, бог знает как они там называются, – никуда не годятся. Дома у меня часто были ужасные приступы, а здесь все прошло, прямо чудеса. Правда, иногда еще случаются приступы, но они очень быстро проходят. Все дело в воздухе. Воздух здесь, наверху, очень здоровый и, главное, сухой.

– Да, конечно, воздух здесь чудесный.

– И потом, после того как с хозяином это случилось, мадам даже слышать не хочет о том, чтобы нас отпустить. Понимаете, он терпеть не может всяких перемен.

– Я догадалась об этом во время разговора там, в холле. А у него... у него бывают сильные боли, миссис Седдон?

– Боли? Нет. Но у него бывают... дни, – загадочно сказала миссис Седдон. – Да и кто осудит его в таком положении?

– Конечно, неудивительно, если он иногда бывает подавлен.

– Подавлен? – Она с удивлением посмотрела на меня. – Подавлен? Хозяин?

Я не решилась сказать «у него расстроены нервы», потому что эти слова никак не согласовывались с впечатлением неудержимой силы и уверенности, которое производил Леон де Вальми.

– Да, подавлен. Ну, может, иногда испытывает... жалость к себе?

Миссис Седдон издала звук, весьма напоминающий фыркание:

– Чувствует к себе жалость? Только не он! Может, последние несколько лет он не такой любезный, как был раньше, но с ним все в порядке, мисс, можете быть уверены. Не такой он человек, чтобы травить себя мыслями о том, что останется инвалидом до конца жизни!

– Да, похоже на то. По правде говоря, когда беседуешь с мсье Леоном, забываешь, что он инвалид.

Я едва не прибавила: «Если сам не напомним об этом».

— Верно, — миссис Седдон снова кивнула, — и он сам большей частью об этом забывает. Чего он только не может сделать с помощью этого электрического кресла; да еще лифт, телефоны в каждом уголке дома! А если нужно куда-то выйти, у него есть Бернар. Но время от времени что-то напоминает ему, и тогда...

— А что именно? — сказала я, вспоминая сцену в холле.

— Бог его знает. Может быть, не выспится как следует или ему сообщат, что где-то, куда он не может пойти сам и проследить, как выполняются его распоряжения, не все в порядке — работа не сделана или сделана небрежно; или нужно что-то предпринять, а у него нет денег; или мистер Роул...

Как и в прошлый раз, она умолкла, произнеся на свой лад это имя. Я терпеливо ожидала продолжения. Она без всякой необходимости поправила подушку на стуле и неопределенно сказала:

— Мистер Роул ведет для мсье Леона дела его другого имени — Беллвин, на юге, и там всегда не хватает средств, а это беспокоит хозяина, и кроме того... ну, мистер Роул не очень-то часто бывает здесь, и это хорошо, потому что он постоянно напоминает хозяину, что он беспомощный калека, хотя и пытается командовать своим сыном.

— Напоминает ему? Это жестоко! — возмутилась я.

— О нет, вы не понимаете, он не нарочно, — возразила миссис Седдон, которую, по всей видимости, шокировали мои

слова. – Я не это имела в виду! Просто он... видите ли, мистер Роул точно такой же, каким был хозяин двадцать лет назад.

– А, ясно; теперь я понимаю, что вы хотите сказать. Он делает то, что любил делать его отец. Например, играет в поло.

Она бросила на меня удивленный взгляд:

– Они сказали вам?..

– Нет, я слышала об этом от дамы, их знакомой: я случайно встретилась с ней в самолете по дороге в Париж.

– А, понимаю. Да, именно так. Хозяин был мастер на все руки. – Она слабо улыбнулась. – Мисс Дебби всегда говорила, что однажды он сломает себе шею. Он занимался спортом, разными видами спорта – мотоциклы, лошади, моторные лодки... даже фехтование. У него целая полка заставлена серебряными кубками – призами за успехи по фехтованию.

– По фехтованию?

– Да. Но главное – лошади и автомобили. Я часто думала, что он сломает шею не только себе, но и кому-нибудь еще, когда видела, как он ездит, выписывая зигзаги по этой ужасной дороге от моста Вальми вверх. – К моему удивлению, миссис Седдон на миг потеряла самообладание. Она горячо сказала: – Иногда можно было подумать, что в него вселился дьявол... он хотел доказать, что может сделать все, что угодно, – и сделать лучше, чем любой другой.

«Да, – подумала я, – вполне вероятно. Но даже став кале-

кой, он выглядит как упавший с небес ангел».

— А теперь он вынужден сидеть и смотреть, как его сын скачет верхом, устраивает гонки по горной дороге и фехтует...

— Все это так, — возразила миссис Седдон, — но у мистера Роула нет денег... и это очень хорошо, а то он стал бы вести себя точно так же, как отец. Я ведь уже сказала, он не очень-то часто бывает здесь. Живет в имении Беллвин. Сама я там никогда не бывала, но говорят, это очень приятное место.

— О? — сказала я, чтобы показать, как мне интересно.

И миссис Седдон, ободренная такой реакцией, стала рассказывать об имении, которое на самом деле называлось Бельвинь. По правде говоря, все это меня ни капельки не волновало. Я думала о том, что, если Рауль де Вальми действительно настолько похож на отца, очень хорошо, что он так редко появляется в Вальми. Не могу себе представить, как могут два Леона де Вальми мирно ужиться под одним кровом... Ну вот, опять... Опять заработало мое романтическое воображение... Откуда я все это взяла? Смутные воспоминания двенадцатилетней давности и тягостное впечатление, оставленное непонятым поведением Леона де Вальми, начавшего со мной для собственного развлечения непонятную игру, пытавшегося показать себя не таким, каким он был в действительности...

И вдруг я осознала, что в замке Вальми меня встретили далеко не все: в моем приеме не участвовал самый главный

член семейства.

Меня не представили владельцу всего этого великолепия, подлинному хозяину замка, графу Филиппу де Вальми.

Миссис Седдон решила наконец действительно заняться собственными делами. Она направилась к двери, но остановилась в нерешительности и обернулась ко мне. Я нагнулась над чемоданом, стоявшим у кровати, и стала выкладывать на покрывало свои вещи. Я чувствовала, что она не отрывает от меня взгляда.

– Вы... хозяин... – нерешительно начала она. – Он был с вами любезен, не правда ли? Мне кажется, я слышала, как он смеялся, когда стояла наверху и ждала вас.

Я выпрямилась, держа в руках кипу аккуратно сложенных носовых платков.

– Все прошло очень хорошо, миссис Седдон. Он был очень любезен.

– О, прекрасно. А я хотела еще до вашей встречи с хозяином поговорить с вами и предупредить, что на первых порах он бывает довольно резок.

Я хорошо понимала беспокойство, которое она тщетно пыталась скрыть. Было очевидно, что «эмоциональная температура», если можно так сказать, в Вальми целиком зависела от настроения Леона де Вальми.

– Большое спасибо, не беспокойтесь, миссис Седдон. Он принял меня очень хорошо, и я почувствовала, что здесь мне рады, – сказала я бодрым тоном.

– Правда? – недоверчиво спросила домоправительница. Она была обеспокоена и явно удивлена. – Ну ладно, тогда действительно все в порядке. Я знаю, что он был очень доволен, когда пришло письмо мадам относительно вас, но, как правило, мсье Леон не любит, когда в доме происходят какие-либо перемены. Поэтому все мы были так удивлены, когда они уволили няню Филиппа, которая служила у них много лет, и объявили, что приезжает новая девушка из Англии.

– О да, мадам де Вальми рассказывала мне о ней. – Я положила платки на кровать и вынула из чемодана несколько пар белья. – Но ведь она не была уволена, правда?

Из слов Элоизы де Вальми я поняла, что няне надоело жить в таком заброшенном месте, как Вальми, и, поскольку мадам была в то время в Лондоне, мсье Леон срочно написал ей и попросил, раз уж она там, найти мальчику английскую гувернантку.

– Да нет же! – Миссис Седдон явно не умела лгать. – Вы, наверное, не так поняли слова мадам. Няня была очень привязана к маленькому Филиппу. Уверена, все это было для нее большим ударом. Она вовсе не хотела уходить.

– Правда? А я была убеждена, что мадам сказала, будто няня ушла потому, что здесь слишком уединенное место. Должно быть, я ошиблась. – Я поймала себя на том, чтожимаю плечами, и решительно пресекла этот чисто галльский жест. – Она, наверное, просто предупреждала меня, чтобы я не очень-то рассчитывала на веселье. Но мадам была

очень озабочена тем, чтобы найти ребенку девушку, которая могла бы учить его говорить по-английски.

– Мсье Филипп прекрасно говорит по-английски, – гордо заметила миссис Седдон.

– Очень рада это слышать, – сказала я, засмеявшись. – Ну, как бы то ни было, я считаю, что в свои девять лет Филипп вполне может перейти от няни к гувернантке. Я думаю, дело именно в этом. Поэтому надо не забыть переименовать детскую в комнату для занятий. Я уверена, что в девять лет ребенок должен отвыкать от слова «детская».

– Мсье Филипп выглядит моложе своих лет, – вновь заговорила миссис Седдон, – но иногда он бывает чересчур серьезен, и мне это не очень-то нравится. Но что можно ожидать после всего, что случилось! Бедная крошка! В конце концов он привыкнет, но на это надо время.

– Знаю, – сказала я.

Она несколько секунд испытующе смотрела на меня.

– Простите меня, мисс Мартин, а вы помните своих родителей?

– Конечно.

Миссис Седдон глядела на меня ласково, но с нескрываемым любопытством. Ну что ж, любезность за любезность. Она, должно быть, так же хочет узнать обо мне, как я – о семействе де Вальми.

– Мне было четырнадцать, когда родители погибли в авиакатастрофе, – как и у Филиппа. Думаю, мадам сказала вам,

что я воспитывалась в Англии в приюте.

— По правде говоря, да. Она написала мне, что услышала ваше имя от одной своей знакомой, леди Бенчли, которая каждый год приезжает в Эвиан, и эта леди очень хорошо отзывалась о вас, очень!

— Не знаю, как ее благодарить. Леди Бенчли была одной из попечительниц моего приюта последние три года, когда я жила там. Потом я ушла из приюта и стала работать в школе для мальчиков, и оказалось, что там учится сын леди Бенчли. В родительский день она туда приехала, мы встретились и поговорили. Когда я призналась, что ненавижу эту школу, она спросила, не хочу ли я получить работу в хорошем доме за границей, потому что ее приятельница, мадам де Вальми, ищет гувернантку для племянника и интересовалась, не знает ли леди подходящей девушки из приюта. Как только я услышала, что надо будет ехать во Францию, я сразу же согласилась. Я... я всегда мечтала пожить во Франции. На следующий день я поехала в Лондон к леди Бенчли. Она обещала позвонить мадам относительно меня, ну и... я получила эту работу.

Я умолчала о том, что мадам де Вальми, вероятно, ценила рекомендацию леди Бенчли более высоко, чем та заслуживала, ибо эта леди была добродушной, но на редкость безалаберной особой, которая проводила значительную часть времени в бесполезных хлопотах и служила чем-то вроде частной конторы по найму прислуги и посредником между сво-

ими знакомыми и приютом Констанс Батчер; сомневаюсь, чтобы она так уж хорошо меня знала. Кроме того, по-видимому, мадам де Вальми была столь озабочена тем, чтобы найти подходящую девушку за время своего короткого пребывания в Лондоне, что не так тщательно, как могла бы, изучила историю моей жизни. Но конечно, для нее это не имело большого значения.

Я улыбнулась миссис Седдон, которая продолжала испытующе смотреть на меня. Потом она тоже улыбнулась и кивнула, так что золотая цепочка, висевшая на груди, немного подпрыгнула и сверкнула.

– Ну ладно, – произнесла она, – ладно.

Домоправительница не сказала вслух: «Вы подойдете», но по ее тону было ясно, что она подумала именно это. Она открыла дверь:

– Ну а теперь мне действительно надо идти. Берта – горничная, которой поручена эта часть дома, – скоро принесет вам чай. Увидите – она хорошая девушка, хотя немного взбалмошная. Думаю, вы кое-как поймете друг друга с помощью мсье Филиппа.

– Надеюсь, – ответила я. – А где мсье Филипп?

– Он, наверное, в детской, – сказала миссис Седдон, стоя у двери. – Но вообще-то, мадам сказала, что сегодня вы можете с ним не возиться. Прежде всего вам нужно выпить чашку чая – настоящего чая, хотя понадобилось почти тридцать лет, чтобы они научились заваривать его как следует, – хоро-

шенько отдохнуть перед ужином, а с мсье Филиппом успеете познакомиться завтра. Сегодня устраивайтесь.

– Очень хорошо, – сказала я. – Спасибо, миссис Седдон. С удовольствием попробую ваш чай.

Дверь за ней закрылась. Я услышала ее мягкие неторопливые шаги по коридору.

Я застыла, глядя на дверь, машинально разглаживая складки на нижней юбке, которую вынула из чемодана.

Мне не давали покоя два момента нашего разговора. Во-первых, я не должна была показывать, что слышала и поняла слова миссис Седдон о лифте, когда она беседовала с мадам де Вальми по-французски. Если я и дальше буду совершать такие же ошибки, то уж лучше сразу признаться в обмане, пока еще не поздно.

Во-вторых, мне показался очень странным совет, который дала мне, уходя, миссис Седдон. «Можете сегодня с ним не возиться... он, наверное, в детской...» Я аккуратно положила в шкаф нижнюю юбку и тихонько вышла из своей уютной спальни, прошла бежево-розовую гостиную, подошла к двери в комнату для занятий. На минуту я остановилась в нерешительности. Из комнаты не доносилось ни звука.

Я тихонько постучала, потом нажала на позолоченную ручку. Дверь мягко приоткрылась.

Я распахнула ее шире и вошла.

Первое, что пришло мне в голову: Филиппа никак не на-

зовешь красивым мальчиком.

Он выглядел слишком маленьким для своего возраста, с тонкой шеей и круглой головой. Черные волосы очень коротко подстрижены, кожа бледная, почти восковая. Огромные черные глаза; запястья и колени трогательно тоненькие и костлявые. На нем были темно-синие шорты и полосатый трикотажный жакет. Лежа на животе, он читал большую книгу: такой заброшенный, крошечный на широком роскошном ковре.

Мальчик поднял голову и медленно встал.

– Я мадемуазель Мартин. А вы, должно быть, Филипп, – сказала я по-английски.

Он застенчиво кивнул. Потом сказалось воспитание: он сделал шаг вперед, протянув руку.

– Очень рад, мадемуазель Мартин. – Голос его был невыразительным, тонким и слабым, как и сам он. – Надеюсь, вам понравится в Вальми.

Пожимая его тонкие пальцы, я вдруг с особой остротой ощутила, что передо мной – владелец Вальми. Эта мысль, как ни странно, сделала его в моих глазах еще более хрупким и маленьким.

– Мне сказали, что ты сейчас занят, но я подумала, что лучше пойти сразу к тебе.

Он минуту раздумывал, окинув меня по-детски наивным взглядом, полным искреннего интереса.

– Вы действительно будете учить меня хорошо говорить

по-английски?

– Да.

– Вы не похожи на гувернантку.

– Значит, мне надо постараться стать похожей на настоящую гувернантку.

– Нет, вы мне нравитесь так. Пожалуйста, не меняйтесь.

«Из молодых, да ранний. Настоящий де Вальми». Я засмеялась:

– Спасибо за комплимент, господин граф.

Мальчик быстро взглянул на меня снизу вверх. Его черные глаза блеснули.

– У нас будет урок завтра? – сказал он только.

– Думаю, что да. Но точно не знаю. Возможно, сегодня вечером я увижусь с твоей тетей и она скажет, какая у нас будет программа.

– А вы видели... моего дядю?

Его ровный голос вдруг прозвучал как-то странно. Или мне это просто показалось?

– Да.

Мальчик стоял неподвижно, держа руки перед собой. Мне пришло в голову, что он, наверное, по-своему такой же недоτροга, как и Элоиза де Вальми. Моя задача может оказаться не такой уж легкой. У него прекрасные манеры, вряд ли он будет «трудным ребенком» в том смысле слова, как его обычно употребляют гувернантки; но смогу ли я найти с ним общий язык, смогу ли преодолеть настороженность и сдер-

жанность, которыми он отгородился от всех, словно оградой из колючей проволоки, сквозь которую пропущен электрический ток? Все эти черты я уже видела в мадам де Вальми. Так же как она, мальчик не по-детски молчалив и спокоен. Но на этом сходство кончалось. Ее спокойствие и отчужденность продуманны и изящны; у ребенка они казались неловкими и внушали неясное беспокойство.

– Мне надо сейчас пойти к себе и распаковать вещи, иначе я опоздаю на ужин. Хочешь мне помочь?

Он быстро поднял глаза.

– Я?

– Ну, не то чтобы помочь, просто пойдем со мной, ты составишь мне компанию и посмотришь, что я тебе привезла из Лондона.

– Вы имеете в виду подарок?

– Конечно.

Неожиданно Филипп багрово покраснел. Не сказав ни слова, он спокойно прошел за мной через гостиную к двери спальни, открыл ее передо мной и вошел в комнату. Потом молча встал у подножия кровати, глядя на чемодан.

Я наклонилась над открытой крышкой, вынула еще несколько вещей, положила их на кровать и стала рыться внутри.

– Это не очень-то дорогая вещь, – сказала я, – потому что у меня было мало денег. Но... а, вот оно.

Я привезла картонную модель Виндзорского замка, кото-

рую купила в Лондоне у Вулворта, – ее надо было вырезать и склеить, и самую большую коробку, которая оказалась мне по карману, содержащую коллекцию оловянных солдатиков в форме королевской гвардии.

Я неуверенно посмотрела на молчаливого графа де Вальми, владельца родового замка, и вручила ему обе коробки.

– Английский замок? – произнес он. – И английские солдаты?

– Да. Солдаты, которые стоят у Букингемского дворца.

– В меховых шапках. Они охраняют королеву. Я знаю.

Он с восхищением смотрел на наклеенную на коробке картинку, изображающую полк королевских гвардейцев, выполнявших какой-то неимоверно сложный маневр.

– Ну, они... они не очень-то... понимаешь...

Но я видела, что он меня не слушает. Открыв крышку, Филипп перебирал дешевые игрушки.

– Подарок из Лондона, – сказал он, оглядывая грубо разрисованного солдатика.

Внезапно я поняла, что для него не имело бы значения, даже если бы это были кустарные бумажные куколки.

– Я еще привезла тебе игру, которая называется «Фишки», – добавила я. – В нее играют специальными фишками. Потом я научу тебя. Это хорошая игра.

– Филипп, где ты? – раздался женский голос из детской, или комнаты для занятий.

– Это Берта. Мне надо идти, – встрепенулся мальчик и,

закрыв крышку, встал, прижимая к себе коробки. Он произнес официальным тоном: – Благодарю вас, благодарю вас, мадемуазель.

Повернувшись, он побежал к двери.

– Я здесь, Берта. Иду.

На пороге Филипп остановился и обернулся ко мне. Щеки у него были еще красные, в руках он крепко сжимал подарки.

– Мадемуазель...

– Да, Филипп?

– Как называется игра, которую вы мне привезли?

– Фишки.

– Фиш-ки. Вы покажете мне, как в нее играть?

– Конечно.

– И поиграете со мной в фишки после ужина, перед тем как я пойду спать?

– Да.

– Сегодня?

– Да.

Он еще секунду постоял, словно хотел что-то добавить. Потом быстро вышел, тихонько закрыв за собой дверь.

Глава 4

*О вещая моя душа!
Мой дядя?*

Шекспир. Гамлет³

Какой бы странной, полной роскоши ни показалась жизнь в Вальми с первого взгляда, скоро она стала упорядоченной и даже скучной. Каждое утро к Филиппу приходил учитель, мсье Бетам, и они занимались до самого обеда. Выполнив разнообразные обязанности в детской и примыкающих к ней комнатах, я была совершенно свободна и первые несколько дней с удовольствием бродила по парку или прилегающей вплотную к замку части леса, читала целыми днями – роскошь, в которой мне так долго было отказано в приюте, что я все еще чувствовала себя виноватой, когда удавалось сесть за книгу.

В библиотеке замка наверняка были произведения на английском языке, но, поскольку там находился и кабинет Леона де Вальми, я не могла, точнее, не хотела просить разрешения ею пользоваться. Но я привезла с собой английские книги – сколько могла, и в комнате Филиппа до самого потолка возвышались полки, заставленные томиками сочинений са-

³ Перевод М. Лозинского.

мых разнообразных жанров: детские книги стояли бок о бок с английскими и французскими классиками и разным легким чтивом. Я была сначала удивлена таким причудливым подбором, но потом увидела на некоторых изданиях надписи: «Дебора Боун» или «Дорогой Дебби», а однажды мне попался в руки истрепанный томик «Острова сокровищ», на первой странице которого было выведено четким детским почерком «Рауль Филипп Сент-Обен де Вальми...» Конечно, сын Леона де Вальми был наполовину англичанин, и он жил в тех же комнатах. Я нашла также Конан Дойла и целую кучу полузабытых или нечитанных книг, которые с жадностью поглощала, стараясь перебороть иррациональное чувство, приобретенное за семь лет пребывания в приюте, где нам постоянно вбивали в головы, что «чтение – пустая трата времени».

Однажды мое чувство вины оказалось оправданным. Читая книги на французском, я обычно принимала все предосторожности, чтобы меня никто не увидел, но в тот день меня чуть не застали за чтением «Тристана и Изольды». Я читала в своей спальне, забыв обо всем, и в это время Берта, постучавшая в дверь и не получившая ответа, вошла в комнату с пылесосом. Она ничего не заметила, но я проклинала себя, торжественно поклялась в душе быть более осторожной и в сотый раз пожалела, что пошла на такой глупый обман, скрыв свое знание французского языка.

Я не думала, что кто-нибудь обратит на это особое внима-

ние: мы с Филиппом были в самых лучших отношениях, и даже мадам де Вальми дала понять в своей обычной рассеянной манере, что я ей нравлюсь. Филипп был полностью на моем попечении, и мне доверяли. Особенно я боялась, что мадам де Вальми узнает, как я ее обманула, вернее, систематически обманывала. И как бывает с каждой ложью, она постепенно становилась все больше. Мне надо было общаться с Бертой, горничной, обслуживавшей детскую, и я объяснялась с ней на школьном французском языке, что ее порядком забавляло и даже вызывало улыбку у сдержанного Филиппа. К счастью, мне никогда не приходилось прибегать к этому приему в разговоре с мсье и мадам де Вальми: в моем присутствии они неизменно говорили на безупречном английском языке, что, по всей видимости, не стоило им никаких усилий. Проходил день за днем, а я так и не призналась в своей маленькой лжи. Я не осмеливалась навлечь на себя их недовольство: мне очень нравился Вальми, я легко справлялась с работой и привязалась к Филиппу.

Он был очень спокойным, сдержанным ребенком и никогда не болтал. Каждый день, если не было дождя, мы ходили на прогулку, а наши «уроки разговорного английского языка» ограничивались замечаниями относительно тех мест, где мы гуляли. Между нами все еще существовал какой-то барьер, возведенный его врожденной осторожностью, хотя «подарок из Англии» сделал мальчика моим союзником. Мне казалось, что Филипп, скрытный по характеру,

стал еще более скрытным, потеряв родителей, о которых он никогда не упоминал. Он не принадлежал к числу детей, которым можно заглянуть в душу. Я очень скоро оставила всякие попытки сделать это, сконцентрировав свое внимание на самых обыденных делах. Если я хочу завоевать его доверие, это должно произойти естественно и постепенно. И по правде говоря, я не считала, что должна врываться в его тщательно охраняемый и огражденный от посторонних мир; я так страдала от отсутствия права на личное в приюте, что глубоко уважала это право и рассматривала бы всякую попытку проникнуть во внутренний мир Филиппа как грубое насилие.

Он проявлял сдержанность не только со мной. Каждый вечер в половине шестого я отводила Филиппа на полчаса в небольшой салон, где сидела мадам де Вальми – его тетя. Она вежливо откладывала в сторону книгу или письмо, брала в руки изысканное и бесконечное ажурное вязанье и ровно полчаса поддерживала беседу с Филиппом. Я намеренно употребила выражение «поддерживала беседу», потому что оно как нельзя лучше подходит к искусственному и натянутому обмену отрывочными словами, который происходил между ними. Филипп обычно был молчалив и отчужден, он с безупречной вежливостью отвечал на вопросы, которые ему задавали, но никогда не заговаривал первым и ни о чем не спрашивал. Мне казалось, что во время этих вечерних бесед мадам де Вальми насилует себя; по натуре холодная и необ-

щительная, она заставляла себя болтать с ребенком.

Думаю, что я больше всех страдала от этих получасовых сидений и больше всего их ненавидела. Мадам де Вальми, естественно, говорила с ребенком по-французски, а я должна была делать вид, что не понимаю их. Иногда мадам переходила на английский, или ради меня, или для того, чтобы проверить знания моего ученика. Тогда я оказывалась втянутой в разговор, и мне было чрезвычайно трудно не выдать себя и не показать, что я поняла то, о чем они сейчас говорили. Не помню, удалось ли мне избежать ошибок; конечно, мадам не подала бы виду, если бы случилось что-нибудь в этом роде, но, мне кажется, она вообще обращала очень мало внимания на то, что происходит вокруг, и меньше всего ее можно было подозревать в том, что она хочет к кому бы то ни было втереться в доверие.

Ее супруг никогда не присутствовал при этих беседах. Он встречался с Филиппом лишь случайно, на террасе или в саду. Вначале я осуждала Леона за отсутствие интереса к одинокому и недавно осиротевшему ребенку, но вскоре поняла, что в этом виноват не только он. Филипп систематически избегал дядю. Он заходил со мной в коридор, ведущий в библиотеку, только когда видел, что инвалидное кресло далеко за декоративным бассейном или розарием; казалось, он слышит шуршание колес издали, когда Леон находится за два коридора от него, и каждый раз в подобном случае он хватал меня за руку и тащил в другую сторону, чтобы не попадаться

дяде на глаза.

Мне было непонятно, почему Филипп так ненавидит Леона де Вальми. В течение первой недели мы пару раз встретились с Леоном, и он был очень мил с мальчиком. Но в присутствии мсье де Вальми Филипп еще больше уходил в себя, и я была убеждена, что его скрытность и мрачность не были простым капризом. С одной стороны, это было естественно: Леон де Вальми подавлял – рядом с ним такой неловкий и некрасивый мальчик, как Филипп, должен был чувствовать себя вдвойне неловким и, может быть, бессознательно противился этому. Леон говорил с ним добродушным и снисходительным тоном, словно обращался к неуклюжему надоедливому щенку. Я не могла понять, замечает ли это мальчик и как реагирует: знаю только, что сама относилась к поведению Леона де Вальми весьма неодобрительно. И все же он мне нравился. А Филипп – постепенно я поняла это – очень не любил дядю.

Однажды я попыталась объяснить мальчику, что его ненависть не имеет под собой никаких оснований.

– Филипп, почему ты избегаешь своего дядю Леона?

Его лицо застыло.

– Не понимаю.

– Пожалуйста, по-английски. И ты меня прекрасно понял. Он очень хорошо к тебе относится. У тебя есть все, что ты хочешь, правда ведь?

– Да, у меня есть все, что я хочу.

– Ну, тогда...

Он посмотрел на меня быстрым загадочным взглядом:

– Но ведь это не он дает мне все это.

– Кто же тогда? Твоя тетя Элоиза?

Он отрицательно покачал головой:

– Они не могут давать мне то, что им не принадлежит. Это все принадлежало моему отцу, а теперь мне.

Я внимательно посмотрела на него. «Так вот в чем дело! Вальми». Я вспомнила, как вспыхнули его черные глаза, когда я в шутку обратилась к нему «граф де Вальми». Де Вальми понимали это с раннего детства.

– Это все твои владения? – спросила я. – Но ведь мсье Леон управляет ими для тебя. Он ведь твой опекун, правда?

Филипп выглядел удивленным.

– Опекун? Я не знаю, что такое опекун!

– Он управляет Вальми до тех пор, пока ты не станешь взрослым. Потом имение перейдет к тебе.

– Да, когда мне исполнится пятнадцать. Это называется «опекун»? Тогда мой дядя Ипполит тоже опекун.

– Правда? Я и не знала.

Он кивнул с торжественным видом, из-за которого его маленькое бледное личико казалось мрачным.

– Да. Оба. Дядя Леон опекун моего имения, а дядя Ипполит мой собственный опекун.

– Что ты хочешь сказать? – невольно спросила я.

– Я слышал, как папа говорил это. Он сказал...

Взгляд сверкающих черных глаз был не то лукавым, не то злобным.

– Филипп... – начала я, но он не слушал.

Он пытался в уме перевести на английский то, что сказал его отец, но оставил эти попытки и выпалил по-французски длинную фразу, которую, очевидно, запомнил наизусть:

– Он сказал: «Леон будет содержать имение в полном порядке, можешь мне поверить. Боже тебя сохрани поручить это дело Ипполиту». А мама сказала: «Но если с нами что-нибудь случится, ребенок должен оставаться у Ипполита, ни в коем случае не у Леона». Вот что мама...

Он внезапно замолчал, крепко сжав губы. Я ничего не сказала. Он снова окинул меня взглядом:

– Вот что они говорили. Это значит...

– Нет, Филипп, не надо переводить. Думаю, твои папа и мама не хотели, чтобы ты это слышал.

– Н-нет. Но мне не хотелось уезжать от Ипполита.

– Ты его любишь?

– Ну конечно. Он уехал в Грецию. Я хотел поехать с ним, но он меня не взял с собой.

– Он скоро приедет.

– Да, но все равно долго...

– Время пройдет незаметно, – сказала я. – Пока что я буду смотреть за тобой вместо него, а твой дядя Леон присмотрит за Вальми.

Я остановилась и посмотрела на бледное мрачное личико.

Не хотелось произносить пышные слова и отталкивать от себя Филиппа, но, в конце концов, я отвечала за его поведение и манеры.

– Он делает свое дело прекрасно, Филипп. Вальми – очень красивое имение, и он заботится о нем. Ты должен быть ему за это благодарен, – сказала я осторожно.

Филипп действительно не имел никаких оснований жаловаться на своего дядю в этом отношении. Леон целиком посвятил себя делам имения. Казалось, все его огромные способности, вся энергия, которую он не имел возможности направить на что-либо иное, сосредоточились на Вальми. День за днем его инвалидное кресло часами не покидало террасы, катилось по вымощенному гравием двору перед домом или по дорожкам сада. Леон наблюдал за подвалами, огородом, гаражом; успевал побывать везде, куда мог попасть на кресле. И в самом замке всюду чувствовалась рука заботливого хозяина. Для Леона де Вальми ни один план не казался слишком грандиозным, ни одна деталь – слишком незначительной, если это касалось Вальми.

Конечно, Филипп как граф де Вальми мог совершенно законно претендовать на признание того, что он кое-что значит в собственном доме, но ему исполнилось только девять лет, и к тому же он был парижанином, чуждым местным нравам. Дядя и тетя совершенно не занимались мальчиком, но полное отсутствие того, что принято называть нормальной семейной жизнью, – обычное дело, когда ребенок лишается

родителей.

– Вряд ли ты мог бы найти лучшего опекуна, – довольно неуклюже прибавила я.

Филипп снова бросил на меня один из своих загадочных взглядов. Его лицо опять стало замкнутым, словно на окне опустили жалюзи. Вежливо и безразлично он произнес: «Да, мадемуазель» – и посмотрел в сторону.

Я ничего не сказала, чувствуя, что не в силах рассеять антипатию, которая казалась мне совершенно беспочвенной.

Но однажды, когда подходила к концу вторая неделя моего пребывания в Вальми, я вынуждена была изменить свое мнение.

Мы с Филиппом нанесли традиционный получасовой визит к мадам де Вальми в маленький салон. Ровно в шесть она нас отпустила, но, когда мы уходили, подозвала меня, не помню для чего. Филипп не стал ждать – он без лишних церемоний скрылся в коридоре.

Примерно через минуту я вышла из салона и натолкнулась на самую неприятную сцену, какую мне пришлось видеть когда-либо в жизни.

У столика, прислоненного к стене за дверью салона, с виноватым и несчастным видом стоял Филипп. Столик был старинный и очень красивый, по сторонам его находились два стула в стиле Людовика XV, с сиденьями, обтянутыми светло-желтым шелком. На одном из этих сидений я увидела ужасное жирное чернильное пятно: очевидно, ручка, ска-

тившаяся со стола, попала на стул и оставила на нем след.

Я вспомнила, что, когда позвала Филиппа спуститься в салон, он писал письмо своему дяде Ипполиту. Наверное, он поспешил вслед за мной, держа в руке ручку со снятым колпачком, и положил ее на столик, перед тем как зашел в салон. Он сжимал сейчас эту ручку пальцами, измазанными в чернилах, и, побледнев, смотрел на Леона.

Как назло, именно в столь неудачный момент он не смог избежать встречи с мсье де Вальми. Инвалидное кресло застыло в середине коридора, преграждая выход. Сгорбившись перед ним, Филипп выглядел очень маленьким, виноватым и беззащитным.

Казалось, никто из них не заметил моего появления. Леон де Вальми что-то говорил, обращаясь к мальчику. Он был рассержен, и, конечно, у него на то имелась веская причина, но та холодная ненависть, звучавшая в его голосе, выговаривавшем мальчику, была поистине чудовищной: это было все равно что охотиться на бабочку с помощью атомной бомбы.

Филипп, смертельно бледный, что-то пробормотал, очевидно извинение, но я расслышала лишь испуганный шепот, и дядя перебил его словами, прозвучавшими, словно удар хлыста:

– Наверное, следует запретить тебе бывать в этой части дома чаще раза в день. Я вижу, что ты не умеешь вести себя как нормальное цивилизованное человеческое существо. Может быть, в вашем парижском доме терпели твои хули-

ганские выходки, но здесь мы привыкли...

– Это мой дом! – сказал Филипп.

Ответ прозвучал тихо, но мрачно и решительно. Леон хотел добавить еще что-то, но эти слова остановили его. Пронесенные слабым детским голосом, они показались мне нестерпимо трогательными, и в то же время я удивлялась поведению Филиппа, обычно не любившего открыто проявлять свои чувства. И тут мальчик прибавил, все еще тихо, но очень ясно:

– И стул тоже мой.

Наступило томительное молчание. Что-то дрогнуло в лице Леона де Вальми – беглое выражение, словно вспышка фотокамеры, но Филипп отступил на шаг, а я инстинктивно бросилась к мальчику, как дикая кошка, защищающая своего детеныша.

Леон де Вальми, подняв голову, увидел меня, но обратился к Филиппу спокойно, словно только что не смотрел на него с бешенством:

– Когда ты придешь в себя и обдумаешь свое поведение, ты извинишься передо мной за эти слова.

Его темные глаза обратились ко мне, и он сказал по-английски, очень сдержанно, но вежливо:

– А, мисс Мартин. Боюсь, что у нас тут произошло небольшое недоразумение. Может быть, вы отведете Филиппа в его комнату и постараетесь убедить, что вежливость по отношению к старшим – одно из тех качеств, которых мы ожидаем

от джентльменов.

Когда Леон заговорил со мной, Филипп со вздохом облегчения повернулся ко мне. Лицо его было бледнее, чем обычно, и выглядело изможденным и мрачным. Но глаза смотрели на меня умоляюще.

Я взглянула на мальчика, затем перевела глаза на его дядю.

– Вряд ли понадобится убеждать его, – сказала я, – он сейчас же извинится перед вами.

Я тихонько взяла Филиппа за плечи и повернула лицом к дяде. Минуту я держала его так. Плечи были тоненькие и хрупкие, но мускулы на них напряглись. Он весь дрожал. Я отпустила мальчика.

– Филипп? – сказала я.

– Я прошу у вас прощения, если был с вами груб, – с трудом произнес он, проглотив слюну.

Леон де Вальми посмотрел на меня, потом на племянника:

– Прекрасно. Я уже забыл об этом. А теперь мисс Мартин отведет тебя наверх.

Мальчик быстро повернулся, собираясь уходить, но я остановилась и сказала:

– Конечно, стул испорчен и Филипп виноват, но я тоже виновата. В мои обязанности входит следить за тем, чтобы ничего подобного не случилось. Это моя вина, и я тоже должна принести вам извинения, мсье де Вальми.

– Прекрасно, мисс Мартин. Благодарю вас. Забудем этот эпизод, хорошо? – обратился он ко мне уже более мягким голосом.

Когда я поднималась по лестнице, перед глазами у меня стояла уродливо укороченная, словно обрубленная, фигура, молча наблюдавшая за нами.

Я закрыла за собой дверь и прислонилась к ней. Мы с Филиппом посмотрели друг на друга. Лицо его было еще бледным и хранило следы пережитой обиды. Рот сжался в прямую линию, но я увидела, что губы немного дрожат.

Он молча глядел на меня.

Это был момент, когда я должна была проявить свою власть. Мисс Мартин читает нотацию. Леон де Вальми совершенно прав: Филипп глупый, безалаберный и грубый ребенок...

– Ягненок, я целиком на твоей стороне, но все-таки ты неуклюжая маленькая совушка, – сказала я.

– Нельзя быть ягненком и совой одновременно, – сказал мальчик сдавленным голосом.

Потом он прижался ко мне и залился слезами.

После этого происшествия я старалась, чтобы он не попался на глаза своему дяде.

Глава 5

Сплетается все туже наш сюжет...

Букингем. Репетиция

Все еще стояла чудесная весенняя погода. На ближайших горах лежал снег, а высокие дальние вершины, вздымавшиеся к облакам, были покрыты шапками льда ослепительной белизны, не тронутой солнечными лучами. Но долина уже зазеленела, и с каждым днем зелень становилась все ярче; на склонах расцвели фиалки, и все каменные вазы и ящики для цветов, обрамляющие террасу замка, сверкали созвездиями белых и желтых нарциссов, которые словно плясали на длинных стеблях под порывами ветра.

Мы с Филиппом каждый день выходили на прогулку одетые в пальто и закутанные в шарфы, потому что со снежных вершин дул холодный ветер. Казалось, горный воздух идет на пользу мальчику: его бледные щеки покрывались румянцем, иногда он даже смеялся и бегал, хотя большей частью солидно шел рядом со мной и медленно отвечал на правильном английском языке на мои вопросы, когда я старалась завести с ним беседу.

Одним из наших излюбленных маршрутов была крутая, но хорошо протоптанная тропинка, которая шла через луг к

селению. У подножия склона узенький деревянный мостик пересекал реку Мерлон, тихую и глубокую в этом месте, где она как бы отдыхала на пути между сверкавшими стремнинами. От моста тропинка вела напрямик к селению, через заливные луга и огороды, где уже пробивались зеленые ростки.

Если становилось известно, что во время прогулки мы дойдем до Субиру, нам давали небольшие поручения – обычно требовалось что-нибудь купить для миссис Седдон, Берты, иногда для Альбертины или даже для самой мадам де Вальми.

Однажды утром – было первое апреля, понедельник, – мы с Филиппом сразу же после завтрака отправились в селение. Обычно в понедельник по утрам в замок приходил монсеньор Сент-Обрэ, кюре Субиру, чтобы обучать молодого графа де Вальми латыни, греческому и основам римской католической веры. Но мсье кюре подвернул ногу, и, поскольку было нежелательно, чтобы Филипп пропускал уроки, я повела его в дом священника, расположенный рядом с церковью, и оставила там.

Впервые я оказалась в Субиру одна, и мне некуда было спешить. Я стояла на маленькой площади перед церковью и осматривалась.

День был теплый: нагретые солнцем плиты мостовой и стены домов ярко блестели и излучали тепло. На низкой стенке, под которой были высажены примулы, грелся в сол-

нечных лучах белый кот. Перед входом единственного в Субиру быстро сверкал черными и красными полосками холщовый навес. Дома с открытыми дверями и поднятыми жалюзи выглядели уютно и весело, несмотря на выцветшую и облупившуюся краску, которой были покрыты стены. В маленькой клетке, вывешенной за окно магазина, заливалась канарейка. Несколько черноволосых детей с загорелыми до черноты руками и ногами рассматривали что-то лежащее в канаве. У дверей лавки были разложены кочаны капусты, круглые сыры и подсохшие апельсины, образуя яркое цветочное пятно. Мимо меня промчался мальчик на велосипеде, держащий под мышкой батон белого хлеба длиной почти в ярд.

Все вокруг было таким веселым, уютным и мирным – на сердце у меня тоже было спокойно. Стояло чудесное утро, и я могла провести его по собственному усмотрению: я была свободна на целых два часа! В кармане лежало немного денег; тень приюта Констанс Батчер для девочек съезжилась и растаяла в волшебном свете альпийской весны. Легкий и теплый ветер разносил благоухание примул, осыпал стену дождем лепестков цветущей ранней вишни. Весна!

Я медленно прошла по площади, удостоверилась, что ребятишки играют в шарики, а не мучают лягушку или котенка, потом направилась к аптеке рядом с бистро, чтобы выполнить возложенные на меня поручения.

– Мадемуазель Мартин?

Аптекарь вышел из темного, похожего на пещеру помещения за аптекой. Мы уже были с ним хорошо знакомы. Миссис Седдон в промежутках между покупкой антигистаминных препаратов поддерживала свое существование, по всей видимости, исключительно аспирином и дешевым мылом, которое называла «Воде Калон»; я же после вынужденного длительного употребления детского мыла «Белый Виндзор» предпочитала более изысканные сорта.

– О, доброе утро, мсье Гарсен. Очень красивый день, не правда ли? И вчера тоже было чрезвычайно красивый день. И завтра, я думаю, тоже должен быть красивый день. Нет? Я, как привычно, пришла для покупать мыло, – весело обратилась я к аптекарю, говоря с самым страшным английским акцентом, который только могла изобразить.

Я нарочно сказала «привычно» вместо «обычно», и аптекарь немного надул свои тонкие губы. Каждую неделю, когда я приходила в аптеку, он от души наслаждался, поправляя меня и делая при этом кислое, обиженное лицо; было бы просто жестоко лишать его этого удовольствия.

– Как обычно! – мрачно произнес он.

– Как вы сказали? – переспросила я, на этот раз произнося слова без всякого акцента: он научил меня им на прошлой неделе.

– Как обычно! – сказал мсье Гарсен немного громче, словно я была глухая.

– Как что? Не понимаю, – поддразнила его я. Конечно, это

было неосторожно, но стоял божественный весенний день, а мсье Гарсен был такой аккуратный, высохший и немного затхлый, как старое сено, и к тому же он всегда старался поставить меня на место. Я, в свою очередь, повысила голос: – Я сказала, что, как привычно, пришла для покупать мыло.

Тонкий нос аптекаря как-то странно дернулся, но он с трудом сдержался. Он возмущенно посмотрел на меня, задрав подбородок над коробками со слабительным.

– Да, понимаю. И какое мыло вы желаете? – Он достал из-за прилавка коробку «Роже и Галле». – Получил только на этой неделе, новый сорт. Роза, фиалка, сандал, гвоздика...

– О да, пожалуйста. Гвоздика, я ее очень люблю.

– Вы знаете гвоздику? – Его глаза, похожие на устриц, удивленно блеснули.

– Это написано на мыле, – объяснила я. – И к тому же здесь картинка. Вуаля. – Перегнувшись через прилавок, я взяла брусок мыла, понюхала его, улыбнулась аптекарю и почти нежно сказала: – О, это самое лучшее, се ле плю бон, са...

Он клюнул на удочку:

– Наилучшее. *Le meilleur*.

– Ле мейё, – покорно повторила я. – Спасибо, мсье.

– Вы делаете успехи, – великодушно сказал мсье Гарсен. – А у вас есть сегодня поручение от ваших хозяев?

– Да, пожалуйста. Мадам де Вальми просила меня принести ее лекарство. И пилюли, чтобы уснуть.

– А, снотворное. Очень хорошо. У вас есть бумага?

– Бумага?

– Вы должны дать мне бумагу, понимаете?

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, дала ли мне Альбертина рецепт, когда вручала записку, где было указано, что надо купить. Аптекарь сделал нетерпеливый жест и сжал губы так, что казалось, у него совсем нет рта.

– У вас должна быть бумага от доктора, – повторил он очень медленно, словно обращаясь к идиоту.

– О, – небрежно сказала я, – рецепт? Почему вы прямо не сказали? Она не дала мне рецепта, мсье. Можно я принесу его на следующий год?

– На следующий год?

– То есть я хотела сказать, на следующей неделе.

– Нет, – коротко ответил аптекарь. – Я не могу продать вам снотворное без рецепта.

Я уже раскаивалась в том, что дразнила его.

– Но мадам очень просила принести ей лекарство, – сказала я умоляюще, – я принесу вам рецепт, как только смогу – пошлю его с кем-нибудь или еще что-нибудь... честное слово! Пожалуйста, мсье Гарсен, неужели вы не можете подождать пару дней?

– Нет. Невозможно. – Его костлявые пальцы укладывали брусочки мыла. – Что еще?

Я посмотрела на список, который держала в руке. Там было указано еще несколько вещей, к счастью написанных по-

французски. Я, старательно произнося французские слова, зачитала список: зубной порошок, шампунь, кому-то (надеюсь, кислотицей Альбертине) мозольный пластырь и йод, и так до конца списка, завершающегося неизменным аспирином, одеколоном и тем, что миссис Седдон называла просто «мои пилюли».

– И еще таблетки для миссис Седдон, – наконец сказала я. Аптекарь показал мне бутылочку с аспирином.

– Нет, другие. – Я ведь не должна была знать, как по-французски «астма», и действительно понятия не имела, как будет «антигистамин». – Пилюли для ее груди.

– Вы же покупали их на прошлой неделе!

– Не думаю.

– А я знаю точно, что покупали!

Он сказал это коротко, почти грубо, но я не обратила внимания на его слова.

– Может быть, ей нужно еще? – вежливо возразила я.

– Если вы покупали таблетки на прошлой неделе, ей должно хватить.

– Вы в этом уверены, мсье? Она записала их сегодня собственной рукой!

– Она дала вам бумагу... рецепт?

– Нет, – призналась я.

– Я сказал вам, что она получила их на прошлой неделе, – нетерпеливо сказал аптекарь. – Вы сами взяли их. Вы тогда спешили и дали мне список вместе с рецептом мадам Сед-

дон. Я отпустил ей таблетки. Может быть, вы забыли отдать их. У меня превосходная память – я помню, что дал вам лекарство, и, кроме того, веду записи.

– Простите, мсье. Просто не помню. Наверное, вы правы. Я подумала... о, подождите, у меня в сумке лежит какая-то бумажка. Вот, мсье, рецепт! Вуайе ву. Это он?

Я подала ему бумагу, стараясь, чтобы в моем поведении не сквозило: «Ну что, я ведь вам говорила?» И это было как нельзя более кстати, ибо он довольно ядовито сказал:

– Это не рецепт для мадам Седдон. Это рецепт сердечных капель для мадам де Вальми.

– Да? Даже не знала, что он у меня. Должно быть, он лежал вместе со списком. Спешила и не заметила его. Простите. – С видом победителя я улыбнулась ему. – Значит, вы все же дадите мне лекарство, мсье?

Он неохотно поднял глаза, похожие на устриц, и бросил на меня странный взгляд. Потом, думаю, для того, чтобы показать, что прислуга не должна спорить с солидными людьми, он надел очки и стал очень внимательно изучать рецепт. Глядя на солнечный день за окном, я ожидала, сдерживая раздражение. Он прочел рецепт снова. Можно было подумать, что я – известная отравительница Мадлена Смит, которая как бы между прочим просит отпустить ей полфунта мышьяку. До меня дошла вся нелепость ситуации, и я засмеялась:

– Все в порядке, мсье? Можете доверить мне капли? Я отдам их именно тому, для кого они предназначаются, так как

не питаюсь дигиталисом, или что там у вас есть еще ядовитого.

– Да, не думаю, – хмуро ответил он и, осторожно сложив рецепт, пододвинул ко мне покупки. – Ну вот и все. Я дам вам капли. Может быть, вы проследите за тем, чтобы мадам Седдон получила таблетки, которые я отослал ей в среду?

Собирая покупки, я заметила, что аптекарь снова как-то странно посмотрел на меня.

– И должен поздравить вас, – сухо добавил он. – Ваш французский язык стал намного лучше, мадемуазель.

– О, благодарю вас, мсье, – ответила я хладнокровно. – Я очень стараюсь и занимаюсь каждый день. Еще через три недели нельзя будет даже подумать, что я англичанка.

– Англез? – раздался позади меня мужской голос.

Я удивленно оглянулась. В аптеке не было никого, кроме меня и мсье Гарсена, но в дверях, загораживая вход, стоял высокий мужчина; солнце било ему в спину, и его огромная тень, казалось, заполняла всю комнату. Он шагнул ко мне.

– Простите, но я слышал, как вы сказали: «Же сюи англез». Вы действительно англичанка?

– Да.

– О! Я... какая удача!

Он смущенно посмотрел на меня с высоты своего роста. Вблизи он уже не выглядел таким огромным, как этот гигантский силуэт, обрамленный дверной рамой и подсвеченный ярким солнечным светом, но все же его отнюдь нельзя бы-

ло назвать маленьким. На нем были шорты и ветровка цвета хаки; головного убора не было, его заменяли собственные волосы, светлые и очень густые. Голубые глаза светились на загорелом лице. Руки и ноги тоже были покрыты темным загаром, на фоне которого в лучах солнца виднелись рыжеватые волоски.

Он полез рукой во внутренний карман ветровки и достал затрепанный конверт.

– Послушайте, не смогли бы вы мне помочь? Мне надо закупить кучу всяких вещей, но я не знаю, как они называются. Я не знаю почти ни слова по-французски, а вы, кажется, болтаете чертовски хорошо...

– Это вы так думаете, – решительно перебила я, – а мсье Гарсен ни в грош не ставит мои знания.

Я лучезарно улыбнулась аптекарю, который все еще мрачно наблюдал за мной из-за коробок со слабительным. Ответа не последовало. Оставив всякую надежду, я снова повернулась к англичанину. Его не убедили мои слова.

– Однако я вижу результаты, – пробормотал он и указал на мои покупки.

– Вы бы не поверили, как это иногда бывает трудно. Но конечно, я помогу. Можно посмотреть ваш список? – улыбнулась я.

С облегчением он вручил мне бумагу, достав ее из конверта.

– Очень любезно с вашей стороны. – Его застенчивая

улыбка была поистине обезоруживающей. – Обычно я должен просто бить себя в грудь, как Тарзан, и указывать пальцем.

– Вы очень решительный и смелый человек, если приехали сюда на отдых, совершенно не зная языка.

– На отдых? Я здесь работаю!

– Наемный убийца? – осведомилась я. – Или просто агент ноль-ноль-семь?

– Я... я... простите?

– Вот это. Звучит довольно странно. – Указав на список, я прочла вслух: – «Бинты – три по дюйму и полтора дюйма, клейкий пластырь, бактерицидный пластырь, мазь от ожогов, борная кислота...» Но вы забыли зонд.

– Зонд?

– Чтобы извлекать пули.

– Я всего лишь лесник, – засмеялся он. – Живу в горной хижине там, наверху, на высоте четырех тысяч футов. Мне не обойтись без перевязочных средств и всего необходимого, чтобы оказать первую помощь.

– Там настолько опасно?

– Кто его знает. Во всяком случае, я убежденный ипохондрик. Чувствую себя не в своей тарелке, если у меня нет запаса всяких пилюль, микстур и градусников.

Я взглянула на шестифуртовую массу крепких костей и выпуклых мускулов:

– Да! Видно, что вам надо очень беречься, чтобы не за-

болеть. Вы действительно хотите, чтобы я попыталась выговорить по-французски все эти липкие и бактерицидные пластыри и мази от ожогов?

– Да, пожалуйста, будьте так добры. Хотя уверен, что единственным предметом из всего списка, который мне обязательно понадобится, будет тот, который обозначен в нем последним. А это я уж знаю, как называется, и смогу попросить сам.

– Вы имеете в виду коньяк? Понятно.

Повернувшись к мсье Гарсену, я принялась за решение невероятно трудной задачи – как назвать аптекарю с помощью жестов и описаний на ломаном французском языке предметы, которые были мне известны не хуже, чем ему. Мсье Гарсен выслушивал мои объяснения очень сдержанно, и эта сдержанность, как и у Филиппа, была очень похожа на мрачное недовольство. Дважды я напрасно пыталась прибегнуть к любезной, даже немного заискивающей улыбке, которая должна была компенсировать отсутствие должного почтения с моей стороны, и не решалась вновь испробовать это средство; поэтому мы с ледяной вежливостью обсуждали список молодого англичанина, пока не дошли до последнего предмета, который не требовал никаких объяснений.

Наконец мы закончили. Англичанин, нагруженный таким количеством микстур, пилюль и мазей, которое удовлетворило бы самого прихотливого «мнимого больного», подошел к двери и ожидал, пока я выйду на освещенную солнцем пло-

щадь.

Когда я собрала свои пакеты и повернулась к выходу, голос аптекаря, сухой, словно шорох осенних листьев, произнес у меня за спиной:

– Вы забыли капли для мадам де Вальми.

С этими словами он протянул мне маленький пакетик.

Когда мы вышли на улицу, англичанин с любопытством спросил:

– Какая муха его укусила? Он вам нагрубил? Вы... простите, если я вмешиваюсь не в свое дело, но вы вся красная.

– Правда? Ну что же, я сама виновата. Нет, он мне не нагрубил. Просто я вела себя глупо и получила по заслугам.

– Уверен, что это не так. Огромное спасибо за помощь. Сам бы я ни за что не справился. – Снова застенчивая улыбка. – Мне еще надо купить коньяк. Может, поможете?

– А я думала, это вы можете купить сами.

– Я... вообще-то, я надеялся, что смогу пригласить вас и мы вместе выпьем. Не зря же вы трудились.

– Это очень любезно с вашей стороны, но совершенно ни к чему...

Он умоляюще посмотрел на меня поверх своих пакетов.

– Пожалуйста, – попросил он. – Кроме того, чертовски приятно снова поговорить с кем-нибудь по-английски.

Внезапно мне представилось, как он сидит в своей одинокой хижине на высоте четырех тысяч футов, окруженный всеми этими пилюлями, микстурами и градусниками.

– С большим удовольствием, – сказала я.

– Прекрасно! – просиял он. – Зайдем сюда? Вообще-то, выбирать не из чего; думаю, это единственное место, кроме кафе «Кок Арди», до которого добрых полмили.

Бистро с веселеньким навесом над дверью было совсем рядом с аптекой. Внутри было сумрачно и не особенно уютно, но на тротуаре перед ним стояли два или три металлических столика и несколько плетеных стульев, покрашенных в ярко-красный цвет. Рядом в синих кадках застыли, словно часовые, низенькие подстриженные деревца. Мы уселись за столик на залитой солнцем улице.

Он аккуратно разложил свои пакеты на свободном стуле.

– Что будем пить?

– Как вы думаете, у них есть кофе?

– Конечно.

Он оказался прав. Кофе прибыло в больших желтых чашках с тремя прямоугольными кусочками сахара в каждом блюде.

Теперь, когда мы сидели друг против друга, мой спутник, казалось, снова наглухо закрылся щитом чисто английской застенчивости. Изо всей силы вертя ложечкой в чашке, он сказал:

– Мое имя Блейк. Уильям Блейк.

Он произнес свое имя с каким-то вызовом.

– Прекрасное имя, верно? – сказала я. – А мое всего лишь Белинда Мартин. Уменьшительное – Линда, оно же ласка-

тельное, как говорила моя мама.

– Спасибо, – улыбнулся он.

– За что? За то, что сказала вам свое имя?

– О да, конечно. Но главным образом за то, что вы не стали цитировать «Песни невинности», сложенные моим тезкой:

«Агнец, агнец белый,
Как ты, агнец, сделан?..»

Или еще знаменитое:

«Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи».

Вот так, вы не поверите, сколько моих знакомых не могут устоять перед искушением.

Я засмеялась.

– Действительно соблазнительно. Предпочитаю тигров. Нет, спасибо, мистер Блейк, – сказала я, глядя на сигарету, которую он мне предложил. – Не курю.

– Не против, если я закурю?

– Конечно нет.

Он вопросительно посмотрел на меня, зажигая сигарету:

– Если позволите спросить, что вы делаете в Субиру? Не похоже, что отдыхаете.

– Нет, я тоже здесь работаю. Я гувернантка.

– А, конечно. Вы, должно быть, та самая английская де-

вушка из Вальми.

– Да. Вам обо мне известно?

– Здесь всем все известно. К тому же по здешним меркам мы близкие соседи. Я работаю в соседнем имении, на лесопосадках к западу от Мерлона.

– О, – сказала я с интересом. – Дьедонне?

– Именно. Замок – вообще-то, это просто большой деревенский дом размером примерно с четверть дома Вальми – находится в долине, за Субиру. Владелец почти не бывает здесь. Его имя Сен-Вир. Кажется, большую часть времени он проводит в Париже или в имении возле Бордо. Так же как и ваш хозяин, он получает большие доходы от виноградников и продажи древесины.

– Вальми? Доходы от виноградников?

– Да. Они владеют целыми областями в Провансе.

– А, конечно, – вспомнила я. – Бельвинь. Но это собственное владение мсье де Вальми, а само Вальми ему не принадлежит. Но даже он не потратит свои доходы от тамошних виноградников на Вальми.

– Даже он?

– Я считаю, что он прекрасный хозяин.

Голос мой звучал так, будто я защищала Леона де Вальми от необоснованных обвинений.

– О да, непревзойденный. Здесь о нем очень высокого мнения, уверяю вас. Ходили разговоры, что большая часть доходов от его собственного имения в Провансе идет сюда,

по крайней мере так было несколько лет назад; во всяком случае, деньги тогда водились у него немалые.

– И сейчас хватает, – заметила я, – или, может быть, просто у меня сложилось такое впечатление.

– Да, кажется, его дела снова поправляются. Два хороших урожая винограда – и можно чинить крышу. – Он засмеялся. – Интересно, почему в богом забытых местах вроде этого люди так интересуются чужими делами? – Он посмотрел на меня. – Гувернантка. Адская работа, верно?

– Да, так бывает в романах, а иногда и в реальной жизни. Но мне нравится. У меня послушный ученик – Филипп, и я полюбила эти места.

– Вы не чувствуете себя одинокой – я хочу сказать, так далеко от дома и родины?

Я засмеялась:

– Если бы вы только знали! Моим домом на родине был сиротский приют. Семь лет! Пусть я здесь гувернантка, все равно Вальми для меня – чудесное приключение.

– Да, я думаю. Вы любите приключения?

– Конечно! Кто же их не любит?

– Ну, во-первых, я, – решительно сказал мистер Блейк.

– Неужели? А я-то думала, что все мужчины жаждут пробивать себе путь с помощью мачете среди болотистых зарослей и преодолевать речные стремнины. Знаете – крепкие волосатые колени, костры на привале и широкий-широкий мир.

– С этим было покончено в раннем детстве. И вообще-то, что такое мачете? – ухмыльнулся он.

– Бог его знает. У путешественников всегда есть мачете. Но если серьезно...

– А если серьезно, – сказал он, – не знаю. Мне бы хотелось посмотреть мир, я люблю путешествия, перемену обстановки, мне нравится видеть что-то новое, но все же... хорошо иметь где-то корни, родных, семью... – Он остановился и немного покраснел. – Простите. Это было бестактно.

– Ничего. Я понимаю, что вы имеете в виду. Каждому нужен какой-нибудь дом. Чтобы уходить из него и снова возвращаться. И мне кажется, чем старше становишься, тем труднее уходить и приятнее возвращаться.

Он опять застенчиво улыбнулся:

– Да, вы правы. Но вы меня не слушайте, мисс Мартин. Я – лежащий камень. А вы отправляйтесь ловить ваших тигров. Во всяком случае, до сих пор охота была успешной. Вы уже обнаружили одного, верно?

– Вы имеете в виду мсье де Вальми?

Он поднял брови:

– Как вы быстро угадали! Значит, он тигр?

– Вы думали именно о нем. Почему?

– Потому только, что у него репутация жестокого и непредсказуемого человека. Как вы с ним уживаетесь? Какой он?

– Я... Он очень вежлив и любезен, можно даже сказать,

что в нем есть определенный шарм. Да, конечно есть. Он и мадам очень хотят, чтобы я чувствовала себя в замке как дома. Я не очень-то часто вижу их, но, когда с ними встречаюсь, они ко мне очень добры...

Я отвернулась от него и посмотрела на противоположную сторону площади. Две женщины вышли из булочной, остановились, глядя на нас с любопытством, и двинулись по улице, стуча подошвами сабо по каменной мостовой. Кто-то визгливо крикнул, и дети разбежались, переговариваясь и щебеча, словно воробьи. Двое пробежали мимо нас, топоча босыми ногами по теплым камням. Часы на церковной башне пробили один раз. Прошло всего полчаса.

– А почему вы приехали сюда? Расскажите мне о вашей работе, – попросила я.

– Особенно рассказывать нечего.

Он чертил ручкой ложки по скатерти.

И действительно, как я убедилась из его рассказа, жизнь у него до сих пор текла ровно. Уютный и достаточно зажиточный загородный дом; небольшая частная школа; два года в армии (тогда не приходилось делать ничего заслуживающего упоминания, кроме маневров на равнинах Солсбери); потом университет – четыре года тяжелого труда, с каникулами (большей частью в качестве водителя автобуса) в Скандинавии и Германии; сдача экзаменов на отлично и решение посвятить еще два года изучению болезней хвойных деревьев, о которых он рассказывал мне очень подробно и с эн-

тузиазмом... Я убедилась в том, что жизнь в хвойном лесу (в постоянной борьбе с угрозой гнилостной болезни, трещин коры при засухе, рака древесины, хвойного жучка и вещей, носящих такие названия, как «фомопсис», «мегатизм» и даже «ипс») отнюдь не лишена приключений и может быть в высшей степени захватывающей. Я подозревала, что мистер Блейк серьезно увлечен сосновым долгоносиком... наблюдается великолепный случай заражения этим вредителем (заметьте – вида «хилобиус», а не «писсодес») на посадках к западу от Мерлона...

Но тут он опомнился и немного покраснел, глядя на меня с улыбкой.

– Во всяком случае, – продолжал он, – вот почему я здесь. Я собираю отличный материал благодаря мсье Сен-Виру – это удивительно порядочный человек для француза. – Потом он добавил, считая, очевидно, что наличие такого феномена, как порядочный француз, заслуживает объяснения: – Мой отец познакомился с ним во время войны. Он дал мне место и даже платит за работу, которая так или иначе входит в программу моих научных исследований. Кроме материала, я приобретаю опыт, и мне нравится работать в этой стране. Здесь нет особенных богатств, но эти люди, по крайней мере Сен-Вир и де Вальми, заботятся о своих землях. Но мне еще многому надо научиться, в том числе языку, – со вздохом сказал Блейк. – Он мне никак не дается. Наверное, у меня нет способностей. Но может быть, если я буду жить здесь,

это хоть как-то поможет.

– Вряд ли, – возразила я, – если вы будете жить один, окруженный пилюлями и термометрами.

– О, я же не все время в горах. Я работаю большей частью в хижине: она находится недалеко от зараженных посадок, и потом, тишина; там я держу все, что нужно для работы, и сплю, когда у меня нет денег. – Он улыбнулся. – Конечно, это бывает довольно часто. Но иногда я спускаюсь в «Кок Арди». Шумное место, но хозяин знает английский, и готовят прилично... А, вот это ваш мальчик?

С того места, где мы сидели, была видна высокая стена, окружавшая сад при доме священника. Калитка открылась, и появился Филипп, за которым возвышалась объемистая фигура экономки кюре.

– Да, это Филипп, – сказала я. – Мне нужно идти.

Я встала. Филипп, увидев меня, обернулся и что-то сказал экономке, потом побежал к нам через площадь.

– Хорошо, что вы меня подождали. Я сказал мадам Роше, что вы, наверное, пошли погулять. А вы здесь!

– Да, я здесь. Ты что-то очень рано закончил, Филипп. Наверное, ты наскучил господину кюре.

– Я не знаю, что значит «наскучил».

– Он, наверное, устал от тебя.

– Нет, – торжественно ответил мальчик. – Но он не очень хорошо себя чувствует. Он устал, но не наскучил от меня... не устал от меня. Мадам Роше говорит, что мне лучше уйти.

– Очень жаль, что господин кюре нездоров, – сказала я. – Филипп, это мсье Блейк, который работает у господина Сен-Вира. Мсье Блейк, это граф де Вальми.

Они обменялись рукопожатиями. Филипп, как всегда, сделал это с серьезным видом, который придавал ему особую привлекательность.

– Какая у вас работа, мсье?

– Я лесник.

– Лес... о да, понимаю. В Вальми тоже есть лесники.

– Знаю, я встречался с ними – Пьер Детрюш, Жан Луи Мишо и Арман Лесток, который живет рядом с «Кок Арди».

– Ну, – задумчиво сказал Филипп, – я пока еще их не знаю. Я ведь здесь не очень давно, vous comprenez⁴.

– Конечно, не знаете. Я... э... думаю, что этим ведает ваш дядя.

– Да, – вежливо ответил Филипп. – Он мой опекун.

Во взгляде, который мальчик бросил на меня, мелькнула гордость за маленькую победу – ведь он сразу запомнил трудное английское слово, но голос его прозвучал с какой-то чопорной надменностью, которая заставила удивленно поднять брови Блейка, не умевшего скрывать свои чувства.

– Я думаю, нам пора идти, – быстро сказала я. – Мистер Блейк, большое спасибо за кофе. Страшно довольна, что мы с вами познакомились, – и протянула ему руку.

Задержав ее в своей ладони, он быстро сказал:

⁴ Понимаете (фр.).

– Только не исчезайте надолго. Когда мы снова встретимся?

– Я ведь не вольный художник, мистер Блейк. Иногда выдается свободное утро, но тогда я обычно остаюсь дома.

– А вечерами вы работаете?

– Вообще-то, да. Я не занята разве что в пятницу, иногда в воскресенье.

– Да, так не годится. – Блейк был явно разочарован. – В конце недели я договорился встретиться с друзьями. Может быть, после?..

Филипп легонько потянул меня за руку.

– Мне действительно надо идти, – сказала я. – Пока оставим это, ладно? Конечно, мы встретимся когда-нибудь – ведь долина не такая уж большая. Еще раз спасибо...

Когда мы с Филиппом шли по мосту через Мерлон, я оглянулась. Блейк хлопотливо трудился над тем, чтобы собрать свои свертки и пакеты с бинтами, клейким и бактерицидным пластырем и прочими незаменимыми средствами, призванными облегчить ему жизнь на высоте четырех тысяч футов.

Надеюсь, он не забудет купить коньяк.

Глава 6

*Что-нибудь из этого выйдет.
Надеюсь, не человеческие нечистоты.*

Диккенс. Барнаби Радж⁵

В этот вечер наше спокойное, размеренное существование было нарушено. В детской уже закончилось традиционное чаепитие. Ранние апрельские сумерки заглядывали в закрытые занавесями окна, в стеклах которых весело отражался свет электрических ламп и огонь камина. Филипп лежал на ковре перед камином и рассеянно играл со своими солдатиками, а я, как обычно, сидела рядом и читала ему вслух. Вдруг мы услышали звук мотора. Какая-то машина преодолела один за другим зигзаги дороги, ведущей к замку. Стояла теплая погода, и одно из окон, выходящих на балкон, было открыто. Поднимающаяся машина взревела, затихла и снова набрала скорость, поднявшись на новый уровень высоты. Я замолчала и посмотрела в окно. Филипп поднял голову:

– Une auto! Quelqu'un vient!⁶

– Пожалуйста, по-английски, – машинально поправила я

⁵ Перевод М. Абкиной.

⁶ Машина! Кто-то едет! (*фр.*)

его. — Филипп, что ты делаешь?

Мальчик не обратил на меня никакого внимания. Он вскочил с ковра, его игрушки полетели во все стороны. Вылетев из балконной двери, словно ракета, он побежал по балкону.

Я бросила книгу и поспешила за ним. Мальчик добежал до конца балкона, под которым лежала мощенная гравием подъездная дорожка, и свесился наружу, жадно вглядываясь в даль. Я с трудом поборола желание схватить его сзади за штаны и сказала так мягко, как только могла:

— Ты упадешь, если будешь свешиваться... Посмотри, перила расшатаны, балюстрада покачнулась, я сама видела. Наверное, именно об этой части балкона говорили, что ее нужно починить, Филипп...

Казалось, мальчик ничего не слышит. Он еще стоял, навалившись всем телом на каменную балюстраду. Я была уверена, что она действительно пошатнулась, и твердо сказала:

— А теперь, Филипп, вернись и води себя разумно. И вообще, почему ты так волнуешься?

Машина преодолела последний подъем и, завизжав тормозами по гравию, сделала широкий полукруг. Свет фар пробежал по кустам роз в саду, блестящим остриям железной ограды под балконом, кадкам с ухоженными цветами на террасе и остановился возле ворот, ведущих во двор. Затем фары потухли.

Хлопнула дверца машины. Я услышала приятный бас.

Ему ответил другой голос, очевидно шофера. Потом машина медленно двинулась во двор, мужская фигура пересекла дорожку и поднялась по лестнице, ведущей в замок Вальми.

Интересно, как выглядит человек, голос которого я слышала? Я несколько минут постояла на балконе, ожидая, пока откроют дверь и на гостя упадет свет из холла. Но тут Филипп, оторвавшись от перил, проскользнул за моей спиной в комнату. Я повернулась – в его немного сгорбленной спине и опущенных плечах чувствовалось такое горькое разочарование, что я, безмолвно последовав за ним, снова опустилась на стул у камина и взяла в руки книгу. Но Филипп не стал больше играть. Он неподвижно стоял на ковре, глядя в огонь. Кажется, он совершенно забыл о моем присутствии.

Просмотрев несколько страниц, я спросила небрежным тоном:

– Кто это был, не знаешь?

Он пожал плечами:

– Кажется, мсье Флоримон.

– Мсье Флоримон? Знаменитый модельер?

– Да. Он часто приходил к нам, когда мы жили в Париже.

Он друг тети Элоизы. Его знают и в Англии?

– Конечно.

Даже в приюте Констанс Батчер слышали о великом Флоримоне, чья модель «Аладдин» произвела несколько лет назад фурор в Париже и Нью-Йорке. Говорят, что, увидев ее, Диор что-то пробормотал сквозь зубы и порвал несколько

своих рисунков. Полная почтения к этому знаменитому имени, я спросила:

– Он останется здесь надолго?

– Не знаю.

Голос мальчика выражал полнейшее равнодушие. У него был такой расстроенный и разочарованный вид, что я спросила:

– Ты ждал кого-нибудь другого, Филипп?

Быстро взглянув на меня, он опустил длинные ресницы и ничего не ответил.

Несколько минут я молчала. Но Филипп был на моем попечении, к тому же это просто маленький одинокий ребенок. К кому он мог так броситься сломя голову?

– Может быть, ты ждал своего кузена Рауля?

Молчание.

– Кто-то должен к нам приехать?

Он отрицательно покачал головой.

– Ты не любишь мсье Флоримона? – сделала я еще одну попытку.

– О нет. Я очень его люблю.

– Тогда почему... – начала я, но что-то, промелькнувшее в его лице, заставило меня замолчать и мягко сказать: – Нам пора спуститься в салон, малыш. Мне ничего не сказали, поэтому, думаю, мы должны идти, несмотря на гостей. Беги по-мой руки, пока я буду причесываться.

Не взглянув в мою сторону, он молча повиновался.

Я медленно подошла к балкону и закрыла дверь.

В камине маленького салона горел яркий огонь: перед ним на розовом атласном диване расположились мадам де Вальми и Флоримон. Они оживленно беседовали.

Я с интересом посмотрела на гостя. Не знаю, каким я ожидала увидеть одного из пяти крупнейших законодателей моды, но великий Флоримон разрушил все мои представления. Это был крупный, облысевший, небрежно одетый мужчина. Когда он молчал, лицо у него принимало выражение тихой меланхолии, что делало его похожим на романтического Белого Рыцаря. Но невозможно было усомниться в том, что мсье Флоримон весьма успешно занимается прозаическими, земными делами. Взгляд голубых глаз был добродушным, но хитрым; казалось, он не пропустит никакой мелочи. Он обращался со своим великолепно скроенным и сшитым костюмом так же бережно, как со старой купальной простыней. Карманы уютно оттопыривались во всех возможных местах, отвороты были густо засыпаны пеплом. В одной руке он держал какую-то книгу или журнал, другой оживленно жестикулировал, рассказывая что-то мадам де Вальми.

Она смеялась. Я не видела ее такой счастливой и оживленной ни разу с тех пор, как приехала в Вальми. Только теперь я поняла, как красива она была, прежде чем время и пережитая трагедия сделали ее прекрасное лицо сухим и безжизненным.

Едва я успела это подумать, как мадам де Вальми обернулась, увидела нас с Филиппом, стоящих у двери салона, – и оживление тотчас же испарилось. Было как-то унижительно наблюдать, как ее лицо приняло скучающее и брезгливое выражение. Мне захотелось дать ей пощечину, но потом я осознала, что Филипп, очевидно, ничего не заметил. Торжественно, с утонченной вежливостью мальчик подошел к Флоримону, который вскочил на ноги, громкими возгласами выражая удовольствие, – уже этого было достаточно, чтобы вызвать раздражение Элоизы.

– Филипп! Рад тебя видеть! Как дела?

– Прекрасно, благодарю вас, мсье.

– Гм, да. – Он нежно похлопал мальчика по щеке. – Еще немного румянца вот сюда, и все будет в порядке. Деревенский воздух – не шутка, особенно воздух Вальми. Видно, он пошел тебе на пользу. Здесь гораздо лучше, верно?

Он не сказал «лучше, чем в Париже», но это подразумевалось само собой – Филипп ничего не ответил. «Недопустимо совершать такие ошибки, говоря с ним», – подумала я. Видно было, что Флоримон это понял, но ограничился тем, что добавил доверительным тоном:

– Знаешь, я не удивляюсь, что тебе хорошо живется в Вальми! Если тебе составляет компанию такая красивая молодая дама, ты должен просто цвести!

Безразлично-вежливая улыбка Филиппа показала, что любезный комплимент Флоримона был оставлен без вни-

мания. Поскольку они говорили по-французски, я тоже не должна была его заметить. Я сидела с безучастным видом, избегая встречаться взглядом с Флоримоном.

– Не расточайте напрасно любезности, Карло. Французский язык мадемуазель Мартин с каждой минутой становится все лучше, как мне сообщили, но я не думаю, что она уже достигла такой стадии, что может понять столь тонкий комплимент, – откликнулась со своего дивана Элоиза де Вальми, потом она добавила по-английски: – Мисс Мартин, разрешите мне представить вам мсье Флоримона. Не сомневаюсь, что вы о нем слышали.

Я чопорно встала, и мы обменялись рукопожатиями.

– Даже в английском приюте мы все слышали о мсье Флоримоне. Ваша слава дошла до нас, может быть, на шесть лет позже, но все же дошла. – Я улыбнулась, вспомнив купленную мной дешевую выкройку по рисунку Флоримона. – Хотите – верьте, хотите – нет.

Он не стал притворяться, что не понял меня, прекрасно зная об этих выкройках. Взмахнув рукой, в которой держал книгу – теперь я видела: это была «Повесть о блистательном принце Гэндзи», – он сказал:

– Вы, мадемуазель, украсите собой любой наряд.

– Даже такой? – засмеялась я.

– Даже такой, – безмятежно ответил он. Его голубые глаза искрились.

– Этот комплимент прямо убивает меня, мсье.

Мадам де Вальми, которую, казалось, занимал этот разговор, произнесла гораздо более дружеским тоном – я раньше никогда не слышала от нее такого:

– Мсье Флоримон всегда расстраивается, что одеваться у него могут себе позволить только древние старухи, а молодые и красивые покупают платья «прет-а-порте»... есть такое выражение – я забываю английский во время волнующих бесед с вами, Карло, – как называется готовое платье?

– Прямо с вешалки? – подсказала я.

– Да, правильно, вы покупаете готовое платье прямо с вешалки и все же выглядите лучше нас.

– Вы забываете английский, мадам, и путаете местоимения, – сказала я.

Элоиза удивленно подняла брови, а Флоримон с явным удовольствием заметил:

– Вот, моя дорогая, настоящий комплимент! Подлинный комплимент, каким он должен быть. Вы и не подозреваете, что он будет произнесен, и не сразу догадываетесь, услышав его.

Элоиза засмеялась:

– Дорогой Карло, можешь мне поверить, даже сейчас я не так уж редко слышу комплименты, чтобы не понять их. Благодарю, мисс Мартин, это очень любезно с вашей стороны.

Впервые я увидела в ее глазах теплоту и поняла, как она привлекательна – не дешевым шармом жизнерадостного и общительного человека, а подлинной привлекательностью:

сдержанностью и искренностью, которой нельзя противиться, когда на вас обращают внимание и вы чувствуете, что вам действительно рады. Господи, как мне хотелось ощутить это! Я была готова ответить горячей любовью на любое проявление привязанности и дружелюбия. Может быть, в конце концов...

Я улыбнулась ей, но вдруг... взгляд вновь стал отчужденным, дружелюбие исчезло, словно вино, вылившееся из треснувшего стакана, – она вновь стала похожа на затуманенное зеркало, холодное и ничего не отражающее.

Улыбка застыла у меня на губах. Меня снова оттолкнули, непонятно почему. Минуту назад я могла поклясться, что мадам де Вальми симпатизирует мне, но теперь... мне показалось, что в беглом взгляде, которым она окинула меня перед тем, как снова опустила глаза на свою вышивку, я увидела то же беспокойное и обреченное выражение, которое поразило меня в первый день пребывания в Вальми.

Но я тотчас же отогнала эту мысль. Я больше не считала, что мадам де Вальми боится своего мужа; напротив, было совершенно очевидно, что супруги очень близки между собой; их характеры составляли любопытную светотень и по контрасту как нельзя лучше подходили друг другу. Не до конца понимая Элоизу, я с жалостью подумала, что ее отчужденность и холодность могут быть результатом строжайшего самоконтроля (как у самураев), который она научилась сохранять при любых обстоятельствах. С эгоизмом юности я

не могла себе представить темперамент, так сильно отличающийся от моего: ей, должно быть, приходится намного тяжелее, чем мужу!

А ее поведение по отношению ко мне и к Филиппу, наоборот, лишь проявление этого самоконтроля, этой скрытности, неторопливой, осторожной оценки... Должно пройти немало времени, чтобы ледяная сдержанность растаяла, чтобы двери раскрылись. Этот беглый взгляд выражал не беспокойство, а терпеливое ожидание, и только. Нужно время... Может быть, мадам все еще размышляла, почему Леон де Вальми считал, что, наняв меня, она «совершила очень большую ошибку»...

Она осторожно сделала аккуратный стежок. У ее локтя стояла лампа. Свет мягко падал на тонкую белую руку. Игла белой искрой прошивала тонкий холст. Она подняла голову:

– Подойди, Филипп, сядь возле меня на скамейку. Ты можешь оставаться здесь десять минут... нет, мисс Мартин, не ускользайте от нас. Садитесь и развлекайте вместо меня мсье Флоримона.

Элоиза снова надела маску. Она сидела за своей работой, подтянутая и элегантная, как всегда.

Ей даже удалось выглядеть заинтересованной, когда она, как обычно, расспрашивала Филиппа о проведенном дне и выслушивала его вежливые, старательно обдуманнные ответы.

– Не хотите присесть рядом со мной? – обратился ко мне

Флоримон.

Я с готовностью обернулась к нему: он наблюдал за мной своими добродушными проницательными глазами, очевидно заметив, как мадам де Вальми проявила ко мне неожиданный интерес, а затем так же неожиданно оттолкнула, и поняв мое состояние. Во всяком случае, он взял на себя труд развлекать меня. Его запас ффривольных историй был необычайно богат и занимателен, хотя по крайней мере половина из них вряд ли соответствовали действительности. Поскольку я знала Париж лучше, чем он предполагал, то получила от нашей беседы огромное удовольствие. Он немного флиртовал, надо сказать очень искусно, и выглядел сначала немного обескураженным, а затем был очарован тем, что его ухаживания нисколько меня не шокировали, а, напротив, очень забавляли. Он был бы еще более удивлен, если бы знал, что, как ни странно, напомнил мне отца: я не слышала такой утонченной, пересыпанной сложными каламбурами болтовни с тех пор, как в последний раз, десять лет назад, была допущена к участию в устроенной им вечеринке, на которой пили вино и читали стихи. Поэтому простительно, что я наслаждалась каждой минутой нашего разговора, со странной ностальгией смакуя забавную чепуху, которая была предметом беседы.

Удовольствие мне портило лишь то, что время от времени я ловила на себе холодный взгляд Элоизы де Вальми, смотревшей на меня с загадочным выражением, которое могло

быть одобрением, усталостью или – но это уже чистая игра воображения – просто страхом.

Чересчур богатое воображение наверняка было повинно и в том, что я все время пыталась угадать, кто донес мадам, что мой французский «с каждой минутой становится все лучше».

Нашу беседу прервало появление миссис Седдон с подносом, уставленным бокалами с коктейлем. Я вопросительно посмотрела на мадам де Вальми, а Филипп немного наклонился, собираясь встать со скамейки.

Элоиза уже собиралась отпустить нас, но в это время Флоримон добродушно сказал:

– Не прогоняй ребенка, Элоиза. Теперь, когда ты его уже допросила, может быть, передашь его мне?

Она улыбнулась, подняв тонкие брови:

– Зачем он тебе нужен, Карло?

Флоримон положил «Повесть о блистательном принце Гэндзи» на самый краешек хрупкого кофейного столика и шарил большой рукой в одном из неаккуратно оттопыренных карманов. Он широко улыбнулся Филиппу, смотревшему на него с настороженным видом, который мне так не нравился, и я увидела, что лицо мальчика разгладилось в ответ на его улыбку.

– Когда мы виделись последний раз, парнишка, – сказал Флоримон, – я начал учить тебя единственному времяпрепровождению, достойному разумного человека. А, вот

они...

Говоря это, он выудил из кармана небольшую коробку. В ней были миниатюрные шахматы с белыми и красными фигурками.

Мадам де Вальми засмеялась.

– Всепоглощающая страсть. – Ее холодный голос звучал почти снисходительно. – Хорошо, Карло, но через полчаса, не позже, он должен подняться к себе. Берта, наверное, уже ждет.

Она, как и я, прекрасно знала, что это не так. Хотя разговор велся по-французски, она быстро посмотрела на меня и постаралась сделать безучастное лицо. Интересно: значит, я была не единственной в этом доме, кто старался, чтобы Филипп не встречался со своим дядей.

Филипп довольно охотно подвинул скамейку к стулу Флоримона, и оба склонились над шахматной доской.

– Ну-ка посмотрим, – весело сказал Флоримон, – помнишь ли ты хотя бы некоторые правила, мой мальчик. Помоему, в последний раз, когда мы с тобой играли, ты сделал несколько неверных ходов, но в твоей концепции игры есть какая-то варварская оригинальность мысли и свежесть, которая имеет свои преимущества. Твой ход.

– Я уже сделал ход, пока вы говорили, – сдержанно сказал Филипп.

– Сделал ход, черт возьми? А, королевская пешка. Классический гамбит, мсье... а я иду вот этой пешкой. Вот так.

Филипп склонился над доской, нахмурившись, целиком поглощенный шахматами, а над ним возвышался Флоримон, раскинувшийся на стуле, рассыпающий сигарный пепел на лацканы изысканно сшитого пиджака. Он ласково и снисходительно смотрел сверху вниз на Филиппа, ни на минуту не прерывая поток своих довольно бессвязных речей, из которых мальчик, даже если бы он к ним прислушивался, едва понял бы треть.

Я сидела молча, наблюдая за ними, чувствуя глубокую симпатию к этому немолодому знаменитому парижанину, который, несмотря на постоянную занятость, нашел время для того, чтобы навестить мальчика, показать ему, что он не совсем одинок. Послушав его, можно было подумать, что главным занятием для него в прошлом было ждать, когда он еще раз сможет сыграть с Филиппом в шахматы.

Вдруг я заметила, что мадам де Вальми больше не вышивает. Ее руки празднично покоились на сложенном холсте, лежавшем на коленях. Я подумала, что мадам заинтересовалась игрой, но потом заметила, что она не глядит на доску. Ее глаза не отрывались от склоненной над шахматными фигурами головы мальчика. Должно быть, она глубоко задумалась о чем-то, потому что, когда мальчик неожиданно вскрикнул, сильно вздрогнула.

Он издал радостный возглас и ухватился за доску:

– Ваша королева! Королева! *Regardez, monsieur!*⁷ Я взял

⁷ Смотрите, мсье! (*фр.*)

вашу королеву!

– Вижу, – безмятежно ответил Флоримон. – Но может быть, вы будете так любезны объяснить мне, Капабланка, какое новое правило позволяет продвигать эту фигуру через всю доску?

– Между ними на доске ничего не было, – объяснил Филипп.

– Не было, верно. Но фигура, которой ты пошел, старина, – слон или, иначе, епископ. Извини меня за мелочность, но есть правило, которое гласит, что епископ ходит только по диагонали. Ты можешь сказать «пустяки, нелепость», но таково правило, Филипп.

– Епископ? – переспросил мальчик, понявший, очевидно, только это слово.

– Те фигуры, что с остроконечной шапкой, – спокойно пояснил Флоримон, – называются слонами или епископами.

– О! – сказал Филипп. Подняв голову, он с улыбкой посмотрел на своего противника, нимало не обескураженный. – Я и забыл. Возьмите назад свою королеву.

– Очень тебе благодарен. Спасибо. Ну а сейчас твой ход, и мне бы хотелось, чтобы ты снова подумал над тем, в какой позиции находятся моя королева и твой епископ.

Филипп внимательно посмотрел на доску.

– Между ними ничего нет, – неуверенно сказал он.

– Именно.

– Ну... О! – Маленькая рука быстро схватила не подчи-

нившегося правилам игры епископа и убрала его прочь от королевы. – Вот. Я ставлю его здесь.

Флоримон хмыкнул.

– Весьма мудро, – заметил он. – Мудро.

Он низко склонился над доской, внимательно глядя на нее сквозь облако табачного дыма; по его виду можно было подумать, что он играет с опытным шахматистом, а не с маленьким мальчиком, который даже не знает как следует правил игры.

Я посмотрела на часы – шесть часов шестнадцать минут – и с удивлением взглянула на мадам де Вальми, подозревая, что она с таким же беспокойством, как и я, следит за временем. Но она снова уронила руку на колени и смотрела на огонь в камине. Она была за сотни миль отсюда. Интересно, где... Судя по выражению ее лица, вряд ли в каком-нибудь приятном месте.

– Мадам... – сказала я.

Вздрогнув, она так быстро схватила вышивание, что уколола иглой палец.

– Простите, мадам, я вас испугала. Мне кажется, Филиппу пора подняться наверх, к себе?

Я сидела спиной к двери, поэтому не видела и не слышала, как она открылась; осознала это по тому, как быстро Филипп повернул голову, как широко раскрылись его глаза. Бархатный голос Леона де Вальми произнес:

– А, Филипп. Нет, не уходи. Карло, рад тебя видеть. По-

чему ты так редко бываешь у нас?

Кресло мягко катилось, чуть шелестели колеса. Появление Леона произвело ошеломляющий эффект. Филипп вскочил со скамейки и стоял, глядя на своего дядю, как птичка, замороженная взглядом змеи. Мсье Флоримон поспешно встал. Элоиза де Вальми снова уронила вышивку и быстро повернулась к мужу; когда кресло прокатилось мимо меня, я соскользнула со стула и ретировалась на свое обычное место у дальнего окна.

Не думаю, что Леон де Вальми обратил на меня хоть какое-то внимание, но Филипп заметил мой маневр. Он тоже сделал попытку удрать, но был, если можно так сказать, пригвожден к месту словами Леона:

– Нет-нет, Филипп. Мы так редко видимся! Я должен быть благодарен мсье Флоримону, из-за которого пришел сюда раньше, чем обычно. Сядь, Филипп.

Мальчик повиновался. Кресло подкатило к дивану и остановилось.

– Твоя верность долгу поражает меня, Элоиза. Это поистине трогательно.

Леон де Вальми тронул жену за руку.

Только натренированное ухо могло различить саркастическую ноту в мягком голосе Леона де Вальми. Я увидела, как их глаза встретились и Элоиза де Вальми слегка улыбнулась. Вторично за этот вечер меня обожгла злость. Неужели так уж трудно вытерпеть общество Филиппа даже полчаса в день?

И неужели надо показывать свою неприязнь столь открыто? На этот раз Филипп все заметил. Я увидела, как он быстро взмахнул своими длинными ресницами, искоса взглянув на дядю, как его бледное личико приняло обычное мрачное выражение, и подумала: «Черт возьми, неужели не найдется кто-нибудь, способный дать вам отпор!»

Через минуту, казалось, все сгладилось. Леон де Вальми, пребывавший в самом радужном настроении, весело приветствовал Флоримона:

– Очень мило, что вы заглянули к нам, Флоримон. Вы из Женевы? Что привело вас туда?

Флоримон снова опустился на стул.

– Я шел по следу, разыскивая новый материал. – Он сделал один из своих широких жестов, на этот раз по направлению к «Повести о блистательном принце...», и задел книгу рукой, так что она упала на пол. – Когда-нибудь просмотри эти картинки, Элоиза, и скажи, видела ли ты что-нибудь, равное этому изяществу, этой куртуазной утонченности на грани декаданса... А, спасибо, зайчик. – Это он сказал, обращаясь к Филиппу, который тихо поднял книгу и молча подал ему. – Отдай это, пожалуйста, своей тете, малыш. Великолепно, не правда ли?

Она посмотрела на книгу.

– Что это, Карло?

– Угроза твоему спокойствию и моему карману, – улыбаясь, сказал Леон де Вальми. – Новые модели в стиле «ман-

дарин» или что-то в этом роде: не сомневаюсь, что на грани декаданса. Признаюсь, не могу представить тебя в подобном наряде, дорогая.

Флоримон засмеялся:

– Уверяю вас, это только материал для размышлений, сырье. И вот что я вам скажу. Мы с Розой Готье состряпали штучку, которая произведет переполох в ноябре, и я приехал в Женеву, чтобы проследить за тем, как идет дело. – Он широко улыбнулся. – По крайней мере, это хороший предлог. Я всегда пользуюсь им, когда хочу сбежать из Парижа.

– Как обстоят дела с твоей новой коллекцией моделей? – спросила Элоиза.

Флоримон уронил пепел на рубашку и безмятежно растер его по отвороту элегантного пиджака.

– Идея пока в эмбриональном состоянии. Младенец еще не бьет ножкой, мне долго еще не удастся разродиться, может быть несколько месяцев. А потом, как обычно, бах! – меня осенит и придется вылизывать этого недоноска, пока он не примет какую-то пристойную форму ценой моего кровавого пота и слез. – Тут его взгляд упал на Филиппа, неподвижно сидящего на скамейке, и он добавил, почти не меняя тона: – На дороге между Тононом и замком густой туман.

– Правда? Очень плохая видимость?

Леон де Вальми взял с подноса бокал с коктейлем и подал его жене.

– Кое-где. Но мне кажется, это местное. В Женеве было

ясно, конечно, со временем погода на берегу озера может измениться. А, благодарю вас.

Леон де Вальми подал ему бокал. Когда кресло, сделав круг, остановилось перед камином, он увидел на низком столике шахматную доску. Его темные брови поднялись.

– Шахматы? Вы всегда носите их с собой, Карло?

– Почти. Можно надеяться, что мы с вами сыграем сегодня вечером?

– С удовольствием. Но прошу вас, бросьте эти портновские булавки. Я не могу играть, когда за ходами надо следить с помощью телескопа.

– Играть вашими шахматами одно удовольствие, – сказал Флоримон, – не говоря уже о том, что вы достойный противник, с которым стоит скрестить шпаги. Иными словами, это значит, что вы даете мне проиграть в четырех случаях из пяти.

– Гм... – Леон де Вальми оглядел доску. – Кажется, красные играют весьма близоруко в полном смысле слова. Я знал, что ты не обладаешь шахматным мышлением, дорогая Элоиза, но не представлял себе, что дело обстоит так скверно.

Мадам де Вальми лишь улыбнулась, даже не взяв на себя труда объясниться. Да никаких объяснений и не требовалось. Леон знал, кто играл красными, и Филипп сознавал это.

– А, да, – спокойно сказал Флоримон. Он внимательно оглядел миниатюрные фигурки. – О господи, я совершенно

запутался, верно? Может быть, мне нужны очки от близорукости. Ты совершенно прав, дорогой Леон, большая ошибка – недооценивать противника. Никогда этого не делай.

Крупная рука быстрыми движениями переставила несколько пешек. Добродушное лицо выражало интерес только к лилипутским маневрам на шахматной доске.

Я заметила, что Леон де Вальми бросил на него быстрый взгляд, выражавший насмешливый интерес, быстро исчезнувший, словно рассеявшееся облако.

– Не могу сказать, что я его недооцениваю. – Потом он улыбнулся Филиппу, молча сидевшему на скамейке. – Заканчивай свою партию, Филипп, я думаю, твоя тетя пока еще не отошлет тебя в спальню.

– Мне бы... не хотелось, благодарю вас.

Филипп съежился и стал еще бледнее.

– Тебя совершенно не должно смущать, что ты проигрываешь, – сказал Леон де Вальми с приторной улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.